
КИРА
Роуз
РАЗВОД
Ты отдал ей
МОЁ ИМЯ

Кира Роуз
Развод. Ты отдал ей мое имя

https://litres.ru/74741113

Аннотация

— Встречайте нового креативного директора! Ася Мельникова! — объявляет мой муж со сцены. Зал взрывается аплодисментами, а я стою за запертой кулисой и смотрю, как молодая любовница мужа выходит к софитам в платье, которое я шила для себя.

Двадцать лет я создавала бренд одежды, отдавая ему всю душу. А теперь мой муж забирает всё: мое дело, мои деньги, мое имя.

— Подпиши документы о добровольном уходе, — требует он, глядя мне в глаза. — Иначе я пущу тебя по миру, а квартиру заберет банк. Ася беременна, ей нужен покой.

Мои собственные дети встали на его сторону, решив, что бренд важнее матери. Меня вышвырнули на улицу, запретив использовать собственное имя. Они думают, что сломали меня. Но они забыли одну вещь: бренд — это просто буквы. А идеальные лекала, способные преобразить любую женщину, строю я. И я сошью себе новую жизнь.

В тексте есть: #измена мужа, #развод, #сильная героиня, #предательство близких, #адекватный взрослый герой #ХЭ

НОВИНКА! МУЖ ТАЙНО ПОВЕСИЛ НА МЕНЯ КРЕДИТ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ. ОТОМЩУ!

Содержание

Глава 1. Платье, которое я шила себе 4
Глава 2. Ты будешь шить для неё 12
Глава 3. Мои дети уже все знали 21
Глава 4. За дверью собственного ателье 32
Глава 5. Мне запрещают быть Ларисой 40
Глава 6. Девичья фамилия 47
Глава 7. Первая женщина выбирает меня 54
Глава 8. Мужчина, от которого меня прятали 61
Глава 9. Тридцать дней 68
Глава 10. Сумасшедшая основательница 75
Глава 11. Цена идеального платья 82
Глава 12. Мою коллекцию выпускают без меня 89
Глава 13. Красная тетрадь продаётся вместе со мной 96
Глава 14. Последняя примерка перед арестом 104
Глава 15. Дочь свидетельствует против меня 112
Конец ознакомительного фрагмента. 120

Глава 1. Платье, которое я шила себе

— Откройте дверь!

Администратор сцены перехватывает ручку раньше меня и встаёт поперёк узкого прохода к подиуму. Он избегает моего лица и дёргает провод гарнитуры.

— Лариса Андреевна, мне велели вас не выпускать.

За чёрной кулисой гремит музыка. Зал отвечает аплодисментами, а с экрана начинает звучать мой голос.

«Двадцать лет назад я не знала, что маленькое ателье станет домом для тысяч женщин…»

Я не произносила эту речь. Зато помню Полину напротив и четыре часа юбилейного интервью. Она спрашивала о клиентках и будущем бренда. Теперь мои ответы переставили, заставив меня объявить об уходе.

«Пришло время уступить дорогу новой команде».

— Кто дал распоряжение? — Я наклоняюсь ближе к администратору, потому что музыка заглушает голос. — Виктор? Денис?

Он смотрит поверх моего плеча. Я оборачиваюсь и вижу Полину у стойки с запасными микрофонами.

Дочь в молочном костюме из нашей весенней линии. Утром я подгоняла ей жакет. Теперь посадка идеальная. По-

лина держит планшет обеими руками, и на её шее проступают красные пятна, как перед школьными выступлениями.

— Мам, пожалуйста, — говорит она, подходя. — Не сейчас.

Ведущий благодарит меня за двадцать лет работы. Зал встаёт, пока я остаюсь за закрытым проходом.

— Где моё платье?

Полина прижимает планшет к животу. Раньше, когда она так нервничала, я брала её за руку и ждала, пока дыхание выровняется. Сейчас дочь отступает от меня сама.

— На сцене уже всё началось. Папа потом объяснит.

Я не отступаю, хотя Полина уже ищет глазами путь к сцене.

— Что именно он объяснит?

Она не отвечает. На экране я благодарю мужа за поддержку, а настоящий Виктор поднимается из первого ряда и идёт к подиуму. За кулисы тянет холодом и шампанским. Меня мутит на пустой желудок.

— Убери человека от двери, — требую я. — Или я выйду через технический коридор.

Полина бросает взгляд на администратора и встаёт ближе, перекрывая ещё один проход.

— Ты всё испортишь. Там пресса, инвесторы, покупатели. Папа просил хотя бы сегодня не делать из этого семейный скандал.

Я ловлю её за локоть прежде, чем она успевает отвернуть-

ся.

— Из чего?

Дочь открывает рот, но на сцене начинает говорить Виктор, и она поворачивается к его голосу раньше, чем ко мне.

— Бренд LARISA всегда был смелее одного человека, — произносит муж. — Лариса научила нас видеть женщину в каждом размере. Сегодня она сама приняла решение отойти от ежедневной работы и передать творческое руководство тому, кто поведёт марку дальше.

Справа от гримёрных есть служебный выход. Я разворачиваюсь туда, но Полина удерживает меня за предплечье — осторожно, чтобы камеры не увидели борьбы, и достаточно крепко, чтобы я остановилась.

— Мам, не надо. Всё уже согласовано.

Под её пальцами мнётся рукав моего чёрного рабочего платья. В серебристо-синее я должна была переодеться перед финалом. Два месяца строила корсет на себе, распарывала спинку и меняла талию под нынешнее тело. Впервые за много лет шила вещь только для себя.

— Ты знала, что меня не выпустят?

Полина убирает руку. На ткани остаются светлые следы её пудры.

— Я знала, что ты можешь отреагировать резко. Папа хотел сначала спокойно поговорить.

Музыка обрывается. Виктор выдерживает знакомую паузу перед главными словами.

— Встречайте нового креативного директора LARISA. Асю Мельникову.

По проходу к свету идёт Ася.

Сначала я вижу тяжёлую серебристо-синюю юбку, потом открытую линию плеч и вышитые вручную ветви на лифе. На левой не хватает одной жемчужины. Утром я заметила это и оставила платье на манекене, чтобы пришить её перед выходом.

Ася несёт мой подол чуть выше колена. Платье тесно ей в груди и свободно в талии. Спинку торопливо ушили крупными стежками, распороли мою работу и подогнали под чужое тело за несколько часов.

Она замечает меня и замедляется. Визажистка поправляет ей волосы у самой кулисы, а Ася позволяет это сделать, не сводя с меня глаз.

— Сними.

Ведущий снова называет её имя. Ася проверяет ладонью переделанную застёжку.

— Лариса Андреевна, сейчас выход. Виктор Сергеевич сказал, платье входит в юбилейную коллекцию.

Я перекрываю ей дорогу к свету.

— Это моё платье.

— Я не могу сорвать финал.

От её готового ответа злость становится холоднее.

— А меня сорвать можно?

Администратор поднимает три пальца, начинает отсчёт.

Я иду к Асе, чтобы хотя бы снять брошь моей матери с её плеча, но Полина встаёт между нами.

— Хватит, — шепчет дочь. Просьбы в голосе уже нет. — Ты сейчас напугаешь её перед выходом.

Полина закрывает Асю своим телом, и та уходит на сцену. Софиты бьют в проход белым светом. Несколько секунд я вижу только голую спину, грубый шов и руку Виктора, протянутую ей навстречу.

Зал поднимается.

Муж выводит Асю в центр подиума, туда, где должна была стоять я. Денис аплодирует из первого ряда. Рядом с ним мужчина с серебряной булавкой; сын что-то объясняет ему, показывая на Асю. Покупатель, ради которого меня просили не портить вечер.

На экране появляется новый логотип: LARISA. Под ним — ASYA MELNIKOVA, CREATIVE DIRECTOR.

Камеры снимают Виктора, Асю и моих детей. Полина выходит к ним сбоку, кладёт ладонь брату на локоть и улыбается так, как я учила её на рекламных съёмках: мягко, без напряжения вокруг рта.

Меня в этом семейном кадре нет.

Я беру со стойки запасной микрофон и включаю. На дисплее загорается зелёная точка.

Администратор понимает первым.

— Это резервный канал, он подключён к залу, — предупреждает он, преграждая мне путь уже обеими руками.

Я поднимаю микрофон ближе ко рту.

— Тем лучше.

Я успеваю пройти два шага. Полина срывается со сцены и закрывает проход. За её спиной Виктор приглашает журналистов к пресс-воллу.

— Не делай этого, — просит дочь, глядя на микрофон. — Ты потом пожалеешь.

Я протягиваю свободную руку к её планшету.

— Открой исходную запись интервью.

Полина медлит.

— Какую запись?

Я киваю на экран за её спиной.

— Ту, из которой вы собрали моё прощание. Покажи, где я сказала, что ухожу.

Дочь крепче стискивает планшет. Мне не нужен ответ. За кулису уже заглядывают журналисты; оператор разворачивает камеру в нашу сторону. Администратор торопливо выключает микрофон с общего пульта.

Виктор появляется почти сразу. Он не бежит и не повышает голос — идёт обычным шагом хозяина вечера. Галстук сидит криво, у манжеты темнеет влажная полоска. Он всё-таки боялся моего выхода.

— Лара, пойдём, — предлагает он, остановившись так, чтобы закрыть нас от камеры. — Здесь не место.

Утром он застёгивал на мне браслет, поцеловал в висок и сказал, что сегодня мой день.

— Сначала она снимет моё платье.

Виктор быстро смотрит на Полину. Дочь опускает планшет. Он замечает это и смягчает голос.

— Платье принадлежит компании. Сейчас оно работает на коллекцию. Ты сама всегда говорила, что вещь начинает жить на женщине.

Я киваю на сцену, где Ася принимает поздравления.

— Не на той, которой ты отдал моё место.

— Послушай себя. — Он понижает голос, потому что за занавесом собираются люди. — Мы готовили переход месяцами. Ты устала, срывала сроки, не могла принять решение без скандала. Сегодня можно было уйти красиво.

Я смотрю на Полину. Она не удивляется словам о месяцах. Всё это время приезжала по воскресеньям, ела мой пирог и обсуждала рекламу.

— Вы готовили это вместе?

Полина делает вдох.

— Мам… — начинает она, но Виктор касается её плеча.

— Мы поговорим в переговорной, — перебивает он. — Без камер. Там я всё объясню.

Я снимаю с шеи пропуск организатора и кладу ему в нагрудный карман. Карточка не помещается, падает на пол, но Виктор не наклоняется за ней.

— Объясняй здесь. Почему Ася в моём платье? Почему её имя уже стоит под моим брендом? Почему мои дети знали, что меня не выпустят?

За спиной мужа шелестит шёлк. Ася возвращается с подиума. Вблизи видно, как плохо стянута спинка: нижний крючок держится на одной нитке. Она придерживает юбку и останавливается рядом с Виктором.

— Может, пройдём в комнату? — предлагает она хрипловатым после сцены голосом. — Здесь все смотрят.

Я не отвожу от неё глаз.

— Пусть смотрят. Снимай платье.

Ася не двигается. Кладёт ладонь ниже пояса, туда, где шёлк натянут сильнее. До этого я принимала складку за след торопливой переделки. Теперь замечаю, как она бережёт живот, когда переносит вес с одной ноги на другую.

Виктор замечает, куда я смотрю. Ещё несколько секунд он может соврать, назвать это случайностью, увести меня от камер. Но рядом стоят журналисты, дети и женщина в моём платье. Старую версию нашей семьи уже всё равно не сохранить.

— Ася беременна, — произносит он. — Ребёнок мой.

Глава 2. Ты будешь шить для неё

Нижний крючок на платье Аси отрывается с металлическим щелчком.

Край спинки расходится. Я по привычке вижу ошибку швеи раньше, чем возвращается смысл слов мужа: его ребёнок, моя дочь между нами.

Ася прижимает ладонь к шву. Полина закрывает её от камер, а Виктор ведёт меня к переговорной. Я не сопротивляюсь из-за журналистов у кулисы. Один уже кричит о беременности.

— Убери руку, — требую я, когда дверь захлопывается.

Виктор отпускает меня. В переговорной белый стол, вода без этикеток и фрукты. За стеклом гости улыбаются у логотипа LARISA и пьют шампанское.

Полина кладёт планшет на стол и придерживает крышку. Ася садится, придерживая платье на спине.

— Какой срок?

Виктор открывает воду, наливает себе полстакана и отвечает, глядя на Асю:

— Двенадцать недель.

Три месяца назад мы выбирали ткани в Милане. После поездки он подарил серьги, которые я надела сегодня.

Правый замок заедает. Я поддеваю его ногтем, снимаю серьги и кладу рядом с водой Виктора.

— Отдай ей. К платью подойдут.

Ася вздрагивает. Муж отодвигает стакан от серёг.

— Не устраивай дешёвую сцену, Лара.

Я подвигаю серьги к нему.

— Дешёвая уже состоялась. Ты вывел любовницу в моей одежде и заставил дочь смонтировать моё прощание. Теперь скажи, зачем тебе понадобилась я.

Он ожидал вопросов о любви и сроках. По задержке перед ответом вижу: разговор идёт не по его сценарию.

— Бренду нужен переходный период, — начинает он осторожно. — Сегодня мы объявили решение. Дальше всё можно провести спокойно, без взаимного уничтожения.

Я не киваю.

— Какое решение приняла я?

Виктор пропускает вопрос и открывает заранее приготовленную папку. На первой странице стоят моё имя, дата и стикер: «подпись».

— Ты отходишь от оперативной работы, — объясняет он, пододвигая папку. — Получаешь квартиру, ежемесячное содержание и процент после закрытия сделки. Суммы хватит, чтобы жить как раньше.

Я придерживаю страницу, которую он пытается перевернуть.

— В моей квартире?

— Имущество обсудим отдельно. Сейчас речь о бренде.

Я читаю заголовок: «Соглашение о прекращении трудо-

вого участия и урегулировании взаимных претензий». Ниже идут обязательства, подготовленные до разговора о разводе.

— Ты собирался поговорить потом, но соглашение привёз заранее?

Он отворачивается к стеклу. Значит, подпись я должна была поставить ещё до разговора о ребёнке.

— После показа ты была бы спокойнее.

Я перечитываю строку о добровольном уходе.

— После того как меня публично уволили?

— Тебя никто не увольнял. — Виктор начинает резко, но замечает Полину у двери и снижает голос. — Статус основательницы останется. Сможешь появляться на мероприятиях и давать интервью, если состояние позволит.

Полина смотрит на стол.

— Какое состояние?

Виктор откидывается на спинку кресла.

— Не цепляйся. Ты сама жаловалась, что не спишь и забываешь встречи.

— Одну встречу. После трёх ночей на фабрике, когда Денис ошибся с поставкой и мы переделывали всю партию.

Денис остался в зале рядом с покупателями.

Я перелистываю страницу. «Конфиденциальность», «неконкуренция», «пять лет» выделены жирным.

— Что я должна отдать за твою щедрость?

Виктор садится напротив и сцепляет пальцы — привычная поза перед выгодными, по его мнению, условиями.

— Пять лет ты не создаёшь конкурирующую марку, не используешь LARISA и не оспариваешь сегодняшнее заявление. Мы обеспечиваем тебе доход и закрываем личные расходы.

Я провожу ногтем под жирной строкой о запрете.

— А работать мне где?

Ася подаётся вперёд, придерживая спинку платья.

— Можно продолжать здесь. Если вы захотите. Мы же не собираемся вычёркивать ваш опыт.

«Мы». Она произносит это тихо, почти примирительно. Ещё вчера она спрашивала про ткани. Теперь говорит от лица компании и Виктора.

— В каком качестве?

Ася смотрит на Виктора. Он забирает разговор обратно.

— Консультанта. Ты поможешь ей войти в процессы, закончишь текущие разработки и передашь контакты ключевых клиенток.

Я закрываю папку. От бумаги на пальцах остаётся сухая пыль, как от дешёвых выкроек.

— Какие разработки?

Виктор не даёт Асе снова заговорить.

— Осень и следующая весна, — отвечает он слишком быстро.

Осеннюю коллекцию я только начала, весенней ещё нет. На прошлой неделе Виктор просил показать покупателям папки, но я отказалась.

— Сделка уже подписана?

Муж поправляет папку, хотя она лежит ровно.

— Предварительные документы. Основное соглашение закроем через месяц.

Я прижимаю пальцем дату сделки.

— И покупатель уверен, что осень и весну создаю я.

Виктор молчит. За стеклом фотограф расставляет гостей перед пресс-воллом. Полина делает шаг к двери, но я останавливаю её по имени.

— Ты знала про две коллекции?

Дочь долго не поворачивается. Потом смотрит на меня, и в её лице появляется злость, будто она наконец нашла, чем защититься.

— Там двести человек, мам. Швеи, продавцы, офис. Если сделка сорвётся, что с ними будет? Ты правда думаешь только о том, чьё имя напечатают под коллекцией?

Утром она держала булавки, пока я подгоняла ей жакет, и уже всё знала.

— Я думаю о том, почему моя дочь считает, что я обязана шить для любовницы её отца.

Полина отступает. Виктор резко отодвигает кресло.

— Не втягивай детей. Это решение между нами.

Я смотрю на дочь.

— Она уже внутри. Сама держала меня за дверью.

— Потому что ты собиралась ворваться на сцену и сорвать сделку, от которой зависит будущее компании.

Так Виктор годами объяснял мои решения: Лариса творческая, резкая, эмоциональная; я всё урегулирую. Пока он говорил, я уходила в мастерскую и не читала бумаг.

Теперь итог этой удобной жизни лежит передо мной.

— Покажи регистрацию торговой марки. Доли компании. Лицензионные договоры. Всё, что даёт тебе право запрещать мне работать под моим именем.

Виктор переворачивает папку к себе, закрывая ладонью место для подписи.

— Сейчас нет смысла уходить в юридические детали.

Я не позволяю ему закрыть папку.

— Есть. LARISA — моё имя.

— Это торговая марка, — отвечает он после короткой паузы. — Она принадлежит компании.

Он заранее подготовил документы, камеры и слова детей.

— Какой компании?

Виктор отвечает после едва заметной паузы:

— «Лариса Групп».

Несколько лет назад Виктор назвал эту структуру защитой бренда от копирования. Я подписала бумаги там, где он показал, и вернулась к коллекции.

Я перевожу взгляд на Полину.

— Кто владелец?

Дочь садится на ближайший стул. Похоже, ответ она уже знает.

— Я контролирую компанию, — произносит Виктор. —

Магазины используют знак по лицензии. Твои имущественные права оценят при разводе.

Я наклоняюсь через стол.

— У меня есть доля в компании, которой принадлежит моё имя?

Он не отвечает.

Ася пытается подняться, цепляется подолом за ножку кресла. Я автоматически тянусь освободить ткань и останавливаюсь. Пусть распорют ещё один шов. Это уже их платье и их последствия.

Виктор снова пододвигает мне соглашение.

— Подпиши сегодня. Мы объявим, что расходимся спокойно. Ты получишь хорошие условия. Не заставляй меня защищать бизнес жёстче.

Я возвращаю ему соглашение.

— От меня?

— От твоих импульсивных решений. — Он кивает на приложение. — Восемнадцать месяцев ты создаёшь эскизы и коллекции без указания авторства.

Ася подходит к столу. Платье окончательно расходится на спине, и Полина снимает жакет, накидывает ей на плечи. Моя дочь закрывает любовницу от чужих взглядов вещью, которую утром подгоняла я.

Я закрываю приложение.

— Я не буду для неё шить.

Виктор смотрит на часы, будто я задерживаю следующую

встречу.

— Тогда этих условий не будет. Корпоративные карты уже заблокированы. Совместный счёт банк заморозит после подачи на развод.

Я перестаю листать документ.

— Ты уже подал?

Виктор пододвигает папку.

— Юристы подадут утром.

За завтраком он обсуждал рыбу на выходные и допивал мой кофе; документы уже ждали подписи.

— Я вернусь домой, соберу вещи. Дальше будем говорить через адвокатов.

Виктор кладёт ладонь на папку, не позволяя мне оттолкнуть её обратно.

— Домой ты вернёшься. Пока. Но на квартиру не рассчитывай.

Я поднимаю голову. Он больше не старается говорить мягко.

— Что ты сделал?

Виктор выдерживает мой взгляд.

— Квартира заложена под кредитную линию бренда. Загородный дом тоже. Если ты сорвёшь сделку и банк потребует погашения, мы потеряем оба объекта.

За стеклом гости поднимают бокалы перед экраном с моим именем.

На столе лежит соглашение, по которому я могу сохранить

крышу над головой, только если соглашусь исчезнуть и ещё полтора года буду создавать одежду для женщины, которой муж уже отдал мою жизнь.

***

Девочки, если вы тоже ждете, когда Лариса покажет ему зубы, ставьте книге звездочку и подписывайтесь на мою страничку. Нам очень нужна ваша поддержка, чтобы размазать этого мерзавца!

https://litnet.com/shrt/-nGy

Глава 3. Мои дети уже все знали

Я не беру соглашение.

Виктор ещё несколько секунд держит его передо мной, будто уверен: стоит подождать — и я сама потянусь к бумаге, которая оставляет мне квартиру в обмен на полтора года чужой жизни.

— Завтра получишь ответ от моего адвоката.

Я забираю со стола серьги. Одна цепляется застёжкой за скрепку, и Виктор машинально тянется помочь. Я отдёргиваю руку раньше, чем он касается меня.

— Лара, адвокат не изменит цифры. Если банк отзовёт кредитную линию, квартира уйдёт первой.

Он говорит уже мне в спину. Спокойно, почти устало, будто предупреждает о пробках, а не объясняет, как давно приготовил для меня клетку.

У двери стоит Полина. Её жакет наброшен на плечи Аси, а сама дочь осталась в тонкой шёлковой блузке. Она обхватывает себя руками, но не смотрит на меня.

Я останавливаюсь рядом.

— Ты едешь домой?

Полина быстро переводит взгляд на отца. Виктор отвечает вместо неё:

— Ей нужно закончить работу с прессой.

— Я спросила Полину.

Дочь поправляет браслет на запястье. Я сама подарила его ей на окончание университета.

— Я приеду позже. Нам всё равно надо поговорить.

«Нам». Не ей со мной. Им — со мной.

Я открываю дверь. В коридоре ждут журналисты, поэтому Виктор выходит первым и заслоняет проход плечом.

— Лариса устала, — сообщает он камерам. — Сегодня для нашей семьи важный и эмоциональный вечер. Все комментарии будут завтра.

Я стою за его спиной и слышу, как меня снова объявляют неспособной говорить за себя.

— Лариса Андреевна! — выкрикивает девушка с телефоном. — Вы знали о беременности Аси?

Виктор пытается направить меня к служебному выходу. Я освобождаю локоть.

— Нет, — отвечаю журналистке. — Как и о собственном уходе.

Муж замирает на полшага. Камеры поднимаются выше, кто-то уже требует уточнить, добровольно ли я передала должность.

Я не остаюсь смотреть, как Виктор будет латать первую дыру в своей красивой версии. Прохожу по техническому коридору мимо чехлов с одеждой и коробок шампанского. За тонкой стеной продолжается праздник двадцатилетия бренда, из которого меня вычеркнули за один вечер.

В машине я открываю банковское приложение. Корпора-

тивная карта уже исчезла. На общем счёте стоит ограничение на операции.

Виктор не угрожал. Он перечислял сделанное.

Я набираю Полину, но дочь сбрасывает вызов. Через минуту приходит сообщение:

«Я приеду с Денисом. Только, пожалуйста, давай без крика».

Я перечитываю его дважды. Они ещё не слышали от меня ни одного крика, но уже успели назначить виноватую в предстоящем разговоре.

Телефон снова вибрирует.

Теперь пишет Денис:

«Нужно обсудить сделку до утра. Ничего не подписывай и не публикуй, пока мы не поговорим».

Будто сын имеет право разрешить мне не подписывать отказ от собственного имени.

Домой я приезжаю через сорок минут. В окнах гостиной горит свет. Машина Дениса стоит у подъезда, рядом — такси, на котором приехала Полина. Значит, она ушла с презентации почти сразу после меня. Не закончила работу с прессой. Просто им требовалось время, чтобы встретиться без меня и договориться, что говорить.

Серьги Виктора бьются о ключи в кармане пальто. Утром муж застёгивал их на мне, вечером предложил расплатиться квартирой за моё молчание.

В прихожей стоят туфли Полины и ботинки Дениса.

— Мама пришла, — говорит дочь из гостиной.

Я прохожу к ним. В комнате пахнет остывшей пиццей. Денис сидит за столом с ноутбуком, Полина при моём появлении сразу ставит ноги на пол. Перед ними раскрыта ещё одна папка юридической фирмы Виктора.

Они уже готовы.

— Он отправил вас подготовить меня? — Я кладу серьги между коробкой с пиццей и ноутбуком.

— Папа остался с покупателями, — отвечает Денис. Он говорит со мной тем же голосом, которым на совещаниях объясняет продавцам новый план. — А нам всё равно нужно понять, что будет дальше.

Я придвигаю стул, но не сажусь. Не хочу снова оказаться по другую сторону стола, пока близкие раскладывают условия.

— Дальше утром юристы подают на развод. Компания запрещает мне работать под моим именем. Квартиру заберёт банк, если я не стану шить для Аси. Что именно вы собираетесь обсуждать?

Полина стискивает край подушки. Денис закрывает ноутбук, хотя на экране уже видна таблица с красной строкой внизу.

— Ты опять сводишь всё к Асе, — начинает он и, заметив мой взгляд, торопится закончить мысль. — Я не оправдываю отца. Измена — между вами. Но продажа бренда началась не из-за неё. Мы полтора года ищем инвестора.

— «Мы»?

Сын раздражённо проводит ладонью по лицу. В детстве так же прятался, когда приносил дневник с двойкой и заранее готовил объяснение.

— Руководство, финансы, коммерческий отдел. Я работаю в компании, мама. Не просто получаю фамилию на визитке.

Сегодня Денис знал, что меня не выпустят к зрителям, видел Асю в моём платье и всё равно аплодировал.

— Ты подписывал документы по сделке?

Денис переводит взгляд на сестру. Полина опускает глаза.

— Предварительное соглашение, несколько приложений по активам и гарантиям, — Денис отодвигает чашку. — Обычная процедура.

Я не позволяю ему спрятаться за формулировкой.

— Какие гарантии ты дал от моего имени?

— Никаких. — Он резко открывает ноутбук и разворачивает экран ко мне. — Здесь указано, что основатель остаётся творческим консультантом на переходный период. Папа говорил, что вы это обсудили.

Я вижу срок — восемнадцать месяцев. Две коллекции уже внесены в расчёты без моего согласия.

— Когда ты подписывал?

Сын перестаёт двигать курсор.

— Три недели назад.

Три недели назад за этим столом Денис просил быстрее

закончить осенние эскизы. Я ещё обрадовалась его интересу к коллекции.

— Ты не спросил меня.

— Я спросил отца. Он генеральный директор. — Денис говорит быстрее. — Продажа закрывает кредиты, сохраняет производство и магазины. Двести семь человек не потеряют работу. Без сделки денег хватит на два месяца, максимум на три.

Я нажимаю на крышку ноутбука. Он отдёргивает пальцы, чтобы я их не прищемила, и несколько секунд мы оба смотрим на это движение. Раньше я первой проверяла, не порезался ли он. Теперь сын защищает от меня руки.

— А что получишь ты? Денис стискивает зубы прежде, чем ответить.

— При чём здесь это? — Он уже знает, к чему я веду, и потому отвечает слишком резко.

Полина встаёт и собирает со стола чашки, хотя в одной ещё тёплый чай. Ей нужно занять руки, пока брат выбирает между правдой и удобной версией.

— Папа обещал ему место в совете новой компании, — произносит она у кухни. — И опцион после сделки.

Денис резко поворачивается к сестре.

— Я его заработал.

— Я не сказала, что нет, — отвечает Полина и слишком сильно ставит чашку в мойку. Фарфор ударяется о металл. — Просто мама всё равно узнает.

Сын готов спорить о цифрах и своей ценности. Признать, что своё будущее он подписал поверх моего согласия, труднее.

— Значит, если я полтора года буду создавать коллекции для любовницы твоего отца, ты получишь кресло в совете.

— Там не написано «бесплатно», — огрызается Денис и тут же сжимает губы. — Чёрт. Я не это хотел сказать.

— Но именно это проверил первым.

Он встаёт, не обходя стол.

— Я пытаюсь спасти компанию, которую мы строили всей семьёй. Ты говоришь так, будто бренд принадлежит только тебе.

Я упираюсь ладонью в край стола.

— Сегодня мне объяснили, что он мне вообще не принадлежит.

Денис выдыхает через нос и продолжает уже тише:

— Юридически структура на отце. Без него не было бы магазинов, фабрик, договоров. Ты шила. Он сделал из этого бизнес.

На слове «шила» Денис смягчает голос, отводя мне маленькое место внутри моей же жизни. Когда-то я укладывала его младенцем в коробку из-под ткани.

— А вы что сделали? Кроме того, что решили, сколько стоит мой труд после того, как меня уберут с вывески?

Полина возвращается. Мой жакет на ней всё ещё сидит идеально, только левый борт смялся у талии.

— Я готовила переход, — произносит она. Сначала тихо, потом увереннее. — Контент, ролики, новую визуальную систему. Ася не могла появиться из ниоткуда.

— Восемь месяцев?

Дочь вскидывает голову слишком резко.

— Откуда ты взяла восемь месяцев?

— Они были вместе, когда ты привозила Асю сюда на примерку летней рекламы?

Полина закрывает глаза на секунду. Я вижу ту субботу: Ася стоит в моём кабинете в белье, я закалываю ткань у неё на талии, дочь снимает видео, а Виктор заглядывает спросить, нужен ли кофе.

— Я тогда не знала про ребёнка, — выговаривает Полина. — Сначала думала, это закончится. Папа говорил, что вы давно живёте как партнёры и ты всё равно ничего не замечаешь, потому что тебе важен только бренд.

Она отходит к окну. В стекле отражаемся мы трое, а моё настоящее платье всё ещё носит другая.

— Потом стало поздно говорить, — продолжает Полина. — Мы уже готовили продажу. Ася должна была войти в публичное поле. Я помогала ей с интервью, дала доступ к старым съёмкам, к папкам с историями коллекций…

— К моим папкам?

Полина стискивает рукава сильнее.

— Корпоративным. Они лежали в общем архиве.

Я подхожу ближе, и дочь перестаёт смотреть мне в лицо.

— Ты приносила ей что-то из дома?

Денис вмешивается, но теперь без прежней уверенности:

— Мама, хватит. Мы пришли понять, подпишешь ли ты соглашение хотя бы до консультации с адвокатом.

Внизу папки лежит лист с подписями Дениса и Полины. Сегодняшняя дата: они подписали его до того, как меня заперли за кулисой.

Я вытаскиваю бумагу. Полина делает движение к столу, но останавливается.

— «Мы поддерживаем решение Ларисы Андреевны Вороновой завершить ежедневную работу и просим уважать её потребность в покое», — читаю вслух. На последнем слове я осекаюсь. — Потребность в покое. Это вы так называете то, что сделали?

Денис тянется за листом, но я отвожу руку.

— Это для прессы, — он тянется к бумаге снова. — Если начнётся публичная война, стоимость компании рухнет ещё до сделки.

Я отодвигаю лист от его руки.

— Значит, вы подписали, что я ухожу добровольно, чтобы дороже продать моё имя.

Полина приближается первой. В её лице появляется упрямство, с которым она в шестнадцать лет требовала перестать выбирать за неё одежду.

— Это и наше имя тоже. Мы выросли внутри бренда. Денис работает там семь лет, я — пять. Ты не можешь уничто-

жить наше общее наследство из-за того, что папа оказался… таким.

— Для наследства обычно ждут, пока человек умрёт.

Полина бледнеет. Денис захлопывает ноутбук.

— Не передёргивай. Никто не хочет твоей смерти.

Я смотрю на юбилейную карточку в прихожем зеркале и на детей, уже поставивших подписи под моей тишиной.

— Вы просто решили не ждать.

Я ухожу в кабинет и запираю дверь. Здесь пахнет бумагой, мелом и сладкими духами Аси, которые я списывала на образцы из шоурума.

Открываю высокий шкаф. Верхняя полка пуста. Там лежали альбомы первых лет и коробка писем от клиенток. Папки ниже стоят слишком ровно: кто-то перебирал их и вернул не в том порядке.

Я выдвигаю средний ящик стола. Нитки, карандаши, калька. Красной тетради нет.

Утром она лежала здесь, открытая возле лампы. В ней двадцать лет работы: первые размеры, незапущенные модели, личные пометки и конструкции, которых ещё никто не видел. Я вела эту тетрадь дома и никогда не передавала компании.

Я отпираю дверь. Денис и Полина стоят в коридоре. Сын хмурится, а дочь смотрит мне за плечо и сразу отводит глаза.

— Где красная тетрадь?

Полина прижимает губы друг к другу. Денис поворачива-

ется к ней.

— Какая тетрадь?

Я не спускаю глаз с дочери.

— Ты знала, кто её забрал.

Полина проводит ладонью по смятому борту моего жакета. Потом очень тихо признаётся:

— Папа сказал, что она нужна Асе для продолжения коллекции.

Глава 4. За дверью собственного ателье

В девять утра мой пропуск вспыхивает красным.

Я прикладываю карточку снова. Терминал пищит: «Доступ запрещён». За стеклом Нина узнаёт меня и делает вид, что читает сообщение.

В холле пахнет кофе и паром. В витрине горит моё имя, а я стою снаружи с карточкой «Основатель. Креативный директор».

— Нина, откройте.

Охранник Александр выходит ко мне. Его дочери я бесплатно шила выпускное платье.

— Лариса Андреевна, доброе утро. — Он нажимает кнопку переговорного устройства. — У меня распоряжение не пропускать вас без сопровождения юридической службы.

Через стекло голос звучит плоско, как объявление в торговом центре.

— Чьё распоряжение?

Александр смотрит на Нину, и та опускает голову.

— Руководства компании.

Виктор сбрасывает звонок и присылает сообщение: «Все вопросы через юристов. Не устраивай сцен перед сотрудниками».

Когда выходит курьер, я придерживаю дверь и прохожу внутрь раньше, чем Александр успевает её перехватить.

— Мне нужны личные вещи и документы, которые не принадлежат компании. Через десять минут уйду.

Александр встаёт перед турникетом. Раньше он спрашивал, успела ли я позавтракать. Теперь готов остановить меня физически.

— Не вынуждайте меня, пожалуйста, — Александр оглядывается на камеры. — Я обязан вызвать старшего смены.

Я достаю телефон, не отходя от турникета.

— Вызывайте. И полицию заодно. Хочу услышать, на каком основании меня не пускают к моим вещам.

В холле стихает разговор. На лестнице останавливаются две продавщицы и сразу опускают глаза.

Из коридора выходит начальник службы безопасности Руденко с папкой и гостевым бейджем на моё имя.

— Лариса Андреевна, пройдёмте в переговорную. Личные вещи выдадут после проверки.

На бейдже вместо должности напечатано «посетитель». Я не надеваю его.

— Мои очки и фотографии теперь тоже проверяет Виктор?

Руденко понижает голос.

— Изменилась управленческая структура. Есть риск вывоза материалов. Мы обязаны всё фиксировать.

Я протягиваю ему гостевой бейдж обратно.

— Тогда идём вместе. Я покажу, что забираю, и подпишу опись.

Он медлит. Меня нельзя допустить наверх — к компьютерам и людям, которые видели ночной вывоз документов.

Я поворачиваюсь к лестнице. Руденко касается моего локтя и убирает руку под взглядами продавщиц.

— Не надо, — просит он, следя за ними. — Вы поставите всех в сложное положение.

Я убираю его руку со своего локтя.

— Оно уже сложное. Просто вчера в нём была только я.

Наверху запускают раскройный автомат. К турникету спускается Ирина Павловна.

На блузке Ирины синяя меловая полоска. Её вызвали прямо от раскройного стола.

— Лариса, — выдыхает она и останавливается. На «ты» мы перешли двенадцать лет назад. Ирина замечает Руденко и исправляется: — Лариса Андреевна, вам нельзя наверх.

Под планшетом зажат конверт с сегодняшней датой.

— Что вам дали подписать?

Ирина прижимает планшет к боку, но Руденко перехватывает ответ.

— Обновлённое соглашение о конфиденциальности. Стандартная мера при смене руководства.

Я не поворачиваюсь к нему.

— Я спросила Ирину.

На верхней площадке стоят швеи и конструкторы. К ра-

боте никто не возвращается.

— Нам дали новые договоры, — говорит Ирина, проверяя каждое слово. — Нельзя передавать файлы, лекала, производственные карты. Контакты с бывшими сотрудниками — только через юристов.

— Я уже бывший сотрудник?

Руденко закрывает папку.

— Приказ об отстранении вступил в силу утром.

На лестнице шепчутся. Ирина стискивает конверт; бумага мнётся под пальцами.

— Покажите приказ.

Руденко прижимает папку к боку.

— Копию направят вашему представителю.

Я смотрю на гостевой бейдж в своей руке.

— Вчера у меня были семья и компания. Представителя я ещё не успела найти.

Я тянусь к конверту Ирины, но она замечает камеру над турникетом и отступает. Красный огонёк записи горит прямо над нами.

— Там ещё приложение, — продолжает она тише. — Мы подтверждаем, что все разработки создавались в рамках командной работы и принадлежат компании.

Руденко предупреждающе произносит её имя. Ирина всё равно продолжает.

— Если кто-то откажется, его уволят за нарушение лояльности. Без квартальной премии и компенсации по новой

программе.

У Ирины ипотека и мать после инсульта. Виктор знает цену каждой её выплаты.

— Не подписывай, — вырывается у меня.

Ирина смотрит на женщин на лестнице. Они будут подписывать, потому что вечером им нужны деньги на продукты и лекарства. Цену моего упрямства платить придётся им.

— Нет, — исправляюсь я. — Подписывай, если иначе тебя уволят. Только прочитай всё и возьми копию.

Ирина несколько секунд молчит, потом кивает.

— Вещи соберут и доставят по адресу регистрации, — говорит Руденко.

— Красную тетрадь тоже?

Ирина резко опускает руку. Руденко настораживается.

— Её ночью забрали, — шепчет Ирина. — Ася приезжала с Виктором Сергеевичем. Они были в кабинете и архиве. Унесли папки по осени, старые технологические карты и тетрадь. Сказали, что вы разрешили.

С лестницы скатывается катушка с чёрной нитью. На сердечнике номер партии для осенней коллекции. Ася будет заканчивать её по моим записям, пока сотрудниц заставляют вычеркнуть меня из работы.

Я подбираю катушку.

— Мне нужно увидеть, что осталось в кабинете.

Руденко качает головой раньше, чем я заканчиваю.

— Это невозможно.

Я достаю телефон и открываю запись.

— Тогда составьте акт об отказе в доступе и ночном вывозе документов без описи.

Руденко сильнее прижимает папку к боку. Нина убирает телефон, а Ирина выпрямляется: требование акта возвращает нам обеим опору.

— Мы зарегистрируем обращение, — отвечает он. — Но находиться здесь вы больше не вправе. Александр, проводите Ларису Андреевну.

Александр просит пройти к двери. Я кладу катушку на стойку и поворачиваюсь к сотрудницам.

— Не передавайте мне файлы и не рискуйте работой, — говорю так, чтобы слышал второй этаж. — Сохраняйте договоры и ничего не подписывайте задним числом.

Руденко требует прекратить обращение к персоналу. Я всё равно успеваю увидеть, как Ирина фотографирует первую страницу соглашения, прикрыв экран планшетом.

На улице моросит. Защёлка двери срабатывает громче вчерашних аплодисментов. Ирина остаётся у турникета за прозрачным стеклом, которое я сама выбирала для покупательниц.

— Лариса Андреевна?

У бордюра водитель достаёт папки и рулон образцов. Высокий мужчина с сединой у висков протягивает мне руку.

— Константин Зорин. «Зорин Текстиль».

Его фабрика шьёт три наши линии, а Виктор дважды пе-

реносил платежи.

— Вы к Виктору?

Константин смотрит на пропуск в моей руке и на сотрудников за стеклом. Делать вид, будто ничего не заметил, не пытается.

— За деньгами. Ваша компания должна нам сорок восемь миллионов. В понедельник зарплата, а сегодня обещали график выплат.

Сумма почти вдвое выше названной Виктором. Дверь распахивается, и появляется муж. Он был внутри и смотрел по камерам, как меня выводят.

— Константин Ильич, рад, что вы приехали, — говорит он, не глядя на меня. — Пройдёмте. Документы готовы.

Константин не двигается.

— Сначала объясните, почему основательница стоит на улице, а моя фабрика всю ночь выполняла распоряжения женщины, которую вчера только представили.

Виктор смотрит на меня с раздражением: я оказалась рядом в неудобный момент.

— Семейный конфликт. Лариса временно отстранена, чтобы не допустить вывоза разработок перед продажей.

— Она вывозит собственные разработки? — Константин уточняет без насмешки, и Виктору приходится услышать формулировку со стороны.

— Материалы создавались сотрудниками и принадлежат компании. Лариса отвечала за концепцию, производствен-

ную часть вели технологи и подрядчики.

Ирина за стеклом слышит всё. Константин замечает смятый конверт в её руках.

— Я работаю с вами одиннадцать лет, — произносит он. — И каждую сложную посадку мне согласовывала именно Лариса Андреевна.

Виктор улыбается почти дружелюбно. Так он говорит с людьми, которых ещё надеется купить.

— Тем лучше. Вы сможете подтвердить, что производственные решения принимались на вашей фабрике и внутри команды, а не являлись личными разработками моей жены.

Константин смотрит на меня. Угол пропуска впивается в ладонь, а я молчу, чтобы он ответил сам.

Виктор делает шаг ближе и раскрывает папку.

— Подпишите заключение, Константин Ильич. После закрытия сделки я погашу весь долг вашей фабрики одним платежом. С процентами за задержку.

Он протягивает Зорину уже подготовленный лист.

— Нужно только подтвердить, что Лариса никогда лично не занималась производственными разработками.

Глава 5. Мне запрещают быть Ларисой

Константин берёт протянутый лист, но ручку не просит. Читает до конца и проводит пальцем под строкой, где от него требуют подтвердить, что производственные решения создавались без моего участия. За стеклянной дверью Ирина Павловна всё ещё стоит у турникета, прижимая к боку соглашение, которое должна подписать, чтобы сохранить работу.

— Здесь написано «никогда лично не занималась», — произносит Константин после паузы. Голос у него негромкий, и Виктору приходится приблизиться. — Я могу подтвердить то, что видел: Лариса Андреевна приезжала на фабрику, работала с конструкторами, останавливала запуск, если посадка её не устраивала. Под этим подпишусь.

Виктор не забирает лист. Сорок восемь миллионов могут оставить фабрику Зорина без зарплаты через несколько дней, и муж даёт ему время вспомнить об этом.

— Вы подрядчик, Константин Ильич. Моя жена давала пожелания по силуэту и цвету, а технологические карты составляли ваши сотрудники. Нам нужно зафиксировать именно это, без семейных оценок.

Константин складывает лист вдвое — точно по строке для подписи — и возвращает Виктору.

— Приложите журналы входа, переписку с конструкторами и записи согласований. Там будет видно, кто принимал решения.

Виктор принимает бумагу двумя пальцами. Улыбка остаётся, но папку он закрывает сильнее, чем собирался.

— Платёж после сделки был жестом доброй воли. Если предпочитаете формальный путь, бухгалтерия ответит в установленный срок.

— Сегодня получите претензию, — Константин кивает водителю, чтобы тот убрал образцы. — А этот лист больше никому не предлагайте. Кто-нибудь подпишет, потом выяснится, что у вас остались письма и записи.

Муж подходит ко мне так близко, что от пальто пахнет тем же древесным парфюмом, который утром остался в нашей спальне.

— Ты уже начала настраивать подрядчиков? За одно утро решила развалить всё, что мы строили?

— Я стояла на улице и слушала, как ты продаёшь мою работу. Зорин услышал то же самое без моей помощи.

За дверью появляются сотрудники с телефонами. Виктор замечает их и меняет лицо раньше, чем интонацию.

— Лара, езжай домой. Поговорим вечером, когда ты успокоишься.

Я открываю диктофон и показываю ему красную точку.

— Повтори при записи, что я никогда не занималась производственными разработками.

Виктор смотрит на экран, потом на Константина и отступает к двери.

— Все юридические вопросы теперь через представителей.

Он возвращается внутрь. Моё имя на стекле на мгновение ложится ему поперёк спины, а затем дверь снова оставляет меня снаружи.

Константин ждёт, пока водитель закроет багажник, затем достаёт визитку и пишет на обороте фамилию.

— Анна Левина, «Барская, Рейн и партнёры». Ведёт семейные споры вместе с корпоративными. Позвоните сами и скажите, что времени мало.

— А у вас сколько? — спрашиваю я, когда он уже собирается убрать ручку.

Константин смотрит на часы.

— До понедельника. Поэтому красивых поступков не обещаю: долг буду взыскивать, даже если это ударит по сделке. Мне нужно платить людям.

Мне легче от этой жёсткости, чем от сочувствия. Он не притворяется, что сорок восемь миллионов перестали иметь значение.

— И всё равно не подписали.

— Мне ещё работать с теми, кто умеет читать документы.

Константин уезжает. Я остаюсь под моросящим дождём и звоню Анне Левиной прежде, чем Виктор успевает заблокировать что-нибудь ещё.

Анна Сергеевна выходит за мной сама — невысокая женщина в сером костюме, с коротко остриженными тёмными волосами. По дороге в кабинет просит открыть банковские приложения, корпоративную почту и всё, что ещё доступно. О моём самочувствии не спрашивает.

— Сразу договоримся: компанию за неделю я вам не верну. Возможно, её вообще не получится вернуть в том виде, в каком вы привыкли считать своей. Сейчас нужно понять, что Виктор уже вывел из-под вашего контроля.

Она подключает телефон к экрану и открывает присланное соглашение. Через минуту я встаю рядом: после вчерашнего больше не собираюсь читать приложения издалека.

— Вот «Лариса Групп», — Анна увеличивает схему. — Отдельное юридическое лицо. Оно ничего не шьёт и почти никого не нанимает. Владеет обозначениями и выдаёт лицензии магазинам и основной компании.

— Виктор называл это защитой от подделок.

Анна открывает выписку и подвигает клавиатуру ко мне.

— Найдите себя среди владельцев.

Моего имени нет. Семьдесят пять процентов принадлежат Виктору, остальные — компании его двоюродного брата.

— Он говорил, что всё наше.

— Актив, созданный в браке, может считаться общим. Но право претендовать на часть стоимости не даёт вам сегодня доступ к управлению. Нужны обеспечительные меры, запро-

сы, оценка. Виктор торопит продажу, потому что понимает это лучше вас.

Она открывает список товарных знаков. Первым стоит LARISA с датой регистрации четырнадцать лет назад; на ту заявку я подписывала согласие. Дальше Анна прокручивает медленнее.

LARISA VORONOVA подана девять месяцев назад. LARISA BY ASYA — пять месяцев назад, когда Ася ещё числилась стилистом. Последняя строка заставляет меня наклониться к экрану: LARISA KAREVA. Шесть недель назад.

Девичью фамилию я не использовала с двадцати семи лет. Только весной сказала Виктору за завтраком, что после развода снова стала бы Каревой. Он рассмеялся, подлил мне чай и спросил, куда я собралась после тридцати лет брака. Через несколько недель подал заявку.

— Он подготовился даже к этому.

Анна открывает карточку обозначения и рядом — окно электронной системы.

— Он перекрыл сочетания, которыми вы могли воспользоваться. Короткое KAREVA пока свободно. После вашего звонка патентный поверенный создал предварительную заявку и зафиксировал время. До полуночи нужно подписать её и оплатить пошлины, иначе резерв аннулируется. Утром юристы Виктора увидят поиск.

На часах без двадцати четыре. Анна называет сумму за пошлины, поверенного и первичный пакет по спору. На лич-

ной карте у меня девяносто три тысячи; общий счёт заблокирован, корпоративные карты исчезли вчера.

— Оплату бюро можно отложить, — говорит она. — Пошлину и поверенного — нет. Если сегодня не получится, заявки Виктора всё равно будем оспаривать, только путь станет дольше.

Я забираю пальто. Анна останавливает меня у двери:

— Не занимайте у человека, который потом попросит долю. Сейчас любое предложение «без условий» нужно читать вдвое внимательнее.

— Я еду продавать условие, которое уже выполнила.

Браслет лежит дома в нижнем ящике сейфа. Виктор подарил его на десятую годовщину: пять квадратных бриллиантов и дата на внутренней стороне застёжки. Тогда у нас был один магазин, двое маленьких детей и кредит за квартиру.

В ювелирном салоне управляющий узнаёт меня и слишком долго рассматривает гравировку.

— Супруг не подъедет? Для обратного выкупа лучше присутствие покупателя.

— Обратного не будет. Мне нужен перевод сегодня.

Он называет сумму почти втрое ниже страховой и начинает объяснять про вторичный рынок. Я прошу весы, характеристики камней и расчёт каждого отдельно. Управляющий пересчитывает и добавляет ещё сто двадцать тысяч.

— Вы уверены? Такие вещи обычно оставляют детям.

Я вспоминаю подписи Дениса и Полины под моим добро-

вольным уходом.

— У детей уже есть наследство. Они вчера его выбрали.

К одиннадцати я снова в кабинете Анны. Браслета нет, зато денег достаточно для заявки и первого месяца помещения, которое я ещё не нашла. Патентный поверенный подключается по видеосвязи, проговаривает классы товаров и просит подписать заявление электронной подписью.

Я задерживаю курсор над полем «Правообладатель». В паспорте я всё ещё Воронова, а в названии будущей марки стоит девичья фамилия, которую Виктор попытался присвоить раньше меня.

— До полуночи семь минут, — напоминает Анна. Она не тянется к мыши вместо меня.

Я нажимаю кнопку. Банк отклоняет оплату как подозрительную, поверенный удерживает заявку открытой, а я ошибаюсь в коде подтверждения. Когда остаётся две минуты, перевод проходит; на экране появляется номер и время подачи — 23:59:18.

На компьютере Анны сразу всплывает письмо с пометкой «Срочно» от юридической службы «Лариса Групп». Документ требует прекратить подготовку конкурирующего проекта, сохранить электронные устройства для осмотра и возместить ущерб за предполагаемое использование корпоративных разработок.

Под подписью представителя Виктора стоит сумма — двадцать пять миллионов рублей.

Глава 6. Девичья фамилия

Анна не закрывает письмо. Прокручивает приложение, и под суммой появляются фотографии старых лекал, перечень коллекций за двенадцать лет и требование предоставить телефон с ноутбуком для осмотра. К письму приложен скриншот заявки KAREVA, зарегистрированной меньше минуты назад.

— Они следили за реестром, — произношу я. После одиннадцати часов разговоров голос садится, приходится повторить: — Виктор ждал, какое имя я выберу.

Анна увеличивает дату. Документ подписан в двадцать три сорок две — за семнадцать минут до регистрации. Текст приготовили заранее: двадцать пять миллионов завтра не взыщут, но обеспечительных мер добьются, если я использую старые лекала, фотографии или клиентскую базу.

В перечне есть платье, которое я придумала после рождения Полины. Тогда ребёнок не спал ночами, и я строила выкройку на кухне между бутылочками. Теперь конструкция названа активом компании Виктора.

— Чем мне вообще работать?

Анна разворачивает ко мне чистый лист. Создавать всё придётся заново и подтверждать каждый этап; никаких файлов из офиса, технологических карт и рассылок старым клиенткам. Красную тетрадь утром потребуют сохранить как до-

казательство, а домой сегодня она велит мне не возвращаться одной.

Я напоминаю, что Виктора там нет. Анна даже не спорит, только закрывает приложение к претензии.

— У него есть ключи и привычка готовиться раньше вас.

В гостинице я до четырёх утра отвечаю на вопросы Анны, восстанавливаю даты и ищу в телефоне хотя бы один файл, который не прошёл через корпоративную почту. К рассвету понимаю: двадцать лет моей работы разложены по серверам, которыми я никогда не интересовалась.

В девять банк подтверждает блокировку совместного счёта. Сотрудник осторожно объясняет, что поступило уведомление об имущественном споре и теперь для операций требуется согласие обоих владельцев.

— Тогда переведите мою половину на личный счёт, — прошу я, разворачивая к нему приложение. — До вчерашнего дня доступ был у нас обоих.

Он смотрит в монитор дольше, чем нужно, и отвечает, что банк не может определить мою половину без второго владельца. Когда я напоминаю о переводах Виктора на счета компании, сотрудник открывает раздел с доверенностями.

— По этим платежам действовали ранее выданные распоряжения. Здесь стоит ваша электронная подпись.

Я не помню, когда её поставила. Возможно, между договором на аренду магазина и доверенностью на поставку. Виктор всегда раскладывал документы по цветным стикерам:

здесь, здесь и внизу страницы. Выписки обещают через десять рабочих дней.

Помещение нахожу над салоном тканей на старой промышленной улице. В объявлении обещали «светлую студию», но окно выходит на кирпичную стену. Под линолеумом проступают швы бетонных плит, от батареи пахнет мокрой пылью.

Хозяйка салона Елена кладёт на подоконник договор и предупреждает: первый и последний месяц плюс залог, коммунальные отдельно. После оплаты на карте почти ничего не останется, поэтому я прошу разбить залог на две части.

Елена мнёт угол листа. Она узнала меня по телефону и теперь признаётся, что помещение уже спрашивали: после вчерашних новостей люди решили, будто здесь откроется моё новое ателье. Для салона это выгодно.

Она уже рассчитывает на имя, которого пока нет на двери. Я возвращаю договор, прежде чем приложить карту к терминалу.

— Впишите «мастерская KAREVA». Без моего портрета и объявлений, пока я сама не скажу.

Елена исправляет строку от руки. В поле арендатора остаётся «Воронова Лариса Андреевна», ниже — девичья фамилия, за которую ночью я продала браслет. После перевода я открываю окно, но вместо воздуха входит гул вентиляции; здесь нет машин, раскройного стола и манекена, зато ключ поворачивается только с моей стороны.

Номер Константина нахожу на визитке Анны. Когда он отвечает, я прошу выставить счёт за аренду прямострочной машины, оверлока и складного стола — без подарков и партнёрства, с договором и залогом.

Шум в трубке отдаляется, будто он выходит из цеха.

— Пришлите адрес. Заеду через час.

Константин приезжает сам, проверяет розетки и пол. Пальто задевает стену, на тёмной шерсти остаётся белая пыль. После осмотра он предлагает оплатить мне нормальное помещение на три месяца и оформить деньги как займ.

Я закрываю договор аренды.

— Нет.

Я объясняю, что Виктор тоже начинал с желания избавить меня от забот; теперь буду платить за всё, чем пользуюсь, и понимать, кому что должна.

Константин сдерживает первое возражение и снова осматривает комнату — уже как задачу, а не место, от которого меня нужно спасти.

— Хорошо. Машины оформим в аренду, оплату поставим через тридцать дней.

— Это отсрочка, — замечаю я, не открывая заметки.

Константин не спорит с формулировкой. Если я заплачу сегодня, объясняет он, ткань покупать будет не на что; он не станет делать вид, что не замечает моего положения.

Я открываю заметки и прошу продиктовать ставку, залог и ответственность за поломку. Сумма оказывается ниже той,

которую я ожидала.

— Не делайте скидку из жалости.

Константин достаёт телефон, находит прайс фабрики и показывает строку со ставкой для простаивающего оборудования.

— Жалость в бухгалтерии отдельной статьи не имеет.

В его голосе слышится усталое раздражение. Я убираю телефон и признаюсь, что пока плохо отличаю помощь от захвата.

Он не отвечает сразу. Проверяет трещину возле розетки и потом смотрит на меня.

— Тогда всё будем писать на бумаге. Пока не начнёте отличать.

К вечеру рабочие заносят две машины и складной стол. Я подписываю акт и впервые остаюсь в мастерской одна. На столе лежит новый блокнот в красной обложке; я не открываю его, потому что он слишком похож на тот, который Ася сейчас листает в моём кабинете.

Снизу стучат в потолок. Я спускаюсь, ожидая жалобу, но у прилавка стоит женщина в широком сером пальто. Одну руку она держит близко к телу, чтобы не задеть рулоны ткани.

— Лариса Андреевна? Я Марина Белецкая. Вы шили мне платье на свадьбу дочери семь лет назад.

Я вспоминаю синюю ткань с серебряными точками и молнию, которая сломалась накануне. Напоминаю, как мы меняли её ночью; Марина улыбается и сразу распахивает пальто.

— Мне нужен костюм. Через пять дней собеседование, а после лечения вес гуляет, правая рука отекает, грудь стала разной. В магазине либо здесь тянет, либо слева висит. Можно это как-то спрятать?

Я приглашаю её наверх. Жёсткая лампа выбеливает комнату, Марина всё время поправляет блузку у правого плеча. Вопрос о работе застаёт её врасплох.

— Руководителем отдела закупок. Два года не работала. Муж говорит, рано, но дома я уже разговариваю с чайником. Только, пожалуйста, без балахона. В салоне сказали, что сейчас так носят.

Я прошу поднять руку. Марина морщится и тут же извиняется, будто мешает примерке собственным телом.

— Руку прятать не будем. Дадим больше свободы справа, выровняем плечо и перенесём застёжку. Пиджак должен позволить вам поднять папку, а не стоять красиво, пока вы не двигаетесь.

Я спрашиваю разрешения коснуться плеча и снимаю мерки медленнее обычного. На правой стороне сантиметр натягивается сильнее; записываю обе цифры отдельно, хотя такая асимметрия уже была заложена в моей старой системе. Использовать её нельзя, поэтому я беру новый красный блокнот и впервые открываю.

Марина следит, как я рисую смещённую пройму, и просит сразу назвать цену: после лечения у неё плохо с сюрпризами. Я называю сумму ниже старого бренда, но достаточную для

ткани; она переводит половину и спрашивает, можно ли написать, что нашла меня.

— Только о своём заказе. Без старых фотографий и названия LARISA.

Марина публикует снимок красного блокнота на пустом столе: «Нашла Ларису Кареву. Она сошьёт мне костюм для возвращения на работу».

Через двадцать минут звонит её телефон. Марина сначала слушает, прижав аппарат к левому уху, потом садится на край стула и включает громкую связь: мужчина требует подтвердить, что рядом нахожусь я.

— Юридическая служба бренда LARISA уведомляет о недопустимости использования имени основательницы для продвижения сторонних услуг, — читает он ровно. — Публикацию необходимо удалить. В противном случае компания прекратит сервисное сопровождение всех ранее приобретённых госпожой Белецкой изделий и рассмотрит вопрос о её участии в распространении недостоверной информации.

Марина смотрит на меня, всё ещё удерживая ладонь на больном плече. На экране появляется официальная претензия; в теме стоит её фамилия, а в первом абзаце — моё имя, которое Виктор не разрешает произносить рядом со мной.

— Я ведь написала только, что вы сошьёте мне костюм. Они и это могут запретить?

Глава 7. Первая женщина выбирает меня

На экране стоит срок: удалить публикацию в течение часа. Суммы юристы пока не называют, зато дважды повторяют слово «ответственность», и Марина застёгивает пальто до подбородка, словно её застали раздетой.

После её кивка я забираю телефон и выключаю громкую связь.

— Все письма направляйте моему адвокату, — говорю сотруднику юридической службы, затем диктую адрес Анны. — И пришлите основание, по которому ваша компания распоряжается публикациями частного лица.

Он пытается вернуться к заготовленному тексту. Я обрываю звонок и отдаю телефон Марине. Аппарат скользит по её пальцам, прежде чем она прячет его в сумку.

— Я не могу судиться, Лариса Андреевна. Через пять дней собеседование, муж и так против, чтобы я выходила. Если они напишут работодателю… — Марина осекается, заметив на столе единственный рулон бязи для макета. — Простите. Верните предоплату. Я не подумала, во что лезу.

Несколько минут назад мы обсуждали застёжку и правое плечо. Теперь она старается не смотреть на собственные мерки, будто заказ уже стал доказательством её вины. После

аренды, пошлины и залога за оборудование на карте сорок три тысячи двести рублей. Предоплата Марины — тридцать восемь.

— Вам не за что извиняться. Назовите номер карты.

Она сбивается на последних цифрах и начинает сначала. Я не предлагаю подождать до вечера и не объясняю, что письмо пока только пугает. Женщина пришла за костюмом, а получила мою войну; удерживать её деньгами было бы слишком похоже на Виктора.

Перевод проходит. На счёте остаётся пять тысяч двести рублей — меньше стоимости ткани для пиджака. Марина замечает сумму и поднимается так резко, что стул ударяет батарею.

— Я не знала, что это последние. — Марина тянется к своему телефону, но я успеваю убрать его в сумку.

— Теперь деньги снова ваши. На этом всё, — отвечаю я, не позволяя ей расплачиваться за право испугаться.

Новое письмо приходит раньше, чем Марина успевает возразить. К требованию приложены скриншот её страницы, фотография свадебного платья семилетней давности и уведомление о прекращении «пожизненного сопровождения изделий». Такой программы никогда не существовало. Молнию в том платье я меняла ночью у неё дома, а Виктор теперь выдаёт мою помощь за корпоративную привилегию, которую может отнять.

Марина увеличивает фотографию и задерживает пальцы

на лице женщины в синем платье.

— Это мама. Она умерла в прошлом году. Фотография моя. Откуда она у них? — Последние слова она произносит уже тише, словно боится, что человек из телефона всё ещё слышит.

Полина собирала истории клиенток к пятнадцатилетию бренда и просила семейные снимки для юбилейного ролика. Теперь архив используют, чтобы показать Марине, сколько о ней знают.

— Сохраните письмо и больше не отвечайте, — прошу я, пересылая документы Анне. — Публикацию удаляйте, если так спокойнее. Я не стану просить вас рисковать.

Марина кивает, но экран не трогает. У двери она оборачивается на пустую комнату и спрашивает, чем я буду шить костюм, если денег на ткань нет.

— Сегодня ничем. Завтра разберусь.

Она уходит. Я слышу, как внизу Елена предлагает ей чай, затем хлопает дверь салона. Красный блокнот закрываю резинкой и звоню поставщику, чтобы отменить отрез шерсти, отложенный до вечера. Продавец напоминает, что держал последнюю партию специально для меня; приходится извиниться и отказаться.

Следующие два часа я разбираю провода, выравниваю складной стол картоном и фотографирую пустые стены для акта аренды. Утром помещение казалось мастерской, потому что напротив сидела первая клиентка. Теперь здесь две

машины чужой фабрики, название в электронном реестре и пять тысяч на счёте.

В половине третьего по лестнице поднимаются тяжёлые шаги. Марина входит без стука, тащит длинный чехол и мокрый пакет. Правая рука снова прижата к телу, однако в этот раз она не извиняется за неудобство.

— Вы что-то забыли? — спрашиваю я, когда Марина ставит чехол на стол. Она раскрывает молнию, и внутри появляется синее платье её матери; серебряные точки потускнели, а застёжка, которую я меняла, всё ещё работает.

— Я доехала домой, удалила пост и сказала мужу, что заказ отменила. Он обрадовался, чай поставил. Потом спросил, зачем мне собеседование, раз он может меня содержать. — Марина расправляет юбку и запутывается пальцами в старой подшивке. — Я сейчас опять плохо объясню…

Сидеть она не может и остаётся возле стола. Из пакета появляются фотографии, чеки и открытка с моим почерком: «Не бойтесь синего. Он вам идёт».

— После операции мама почти перестала выходить. Ей казалось, все видят шрам и то, как она держит руку. Вы три раза переделывали рукав, приехали вечером, денег не взяли. На свадьбе она танцевала. Последний раз я видела её такой живой. — Марина сминает край фотографии и заставляет себя расправить его. — Сегодня её снимком меня решили напугать. Получилось. Только молчать после этого противнее.

Я не предлагаю готового утешения. Она уже выбрала, что для неё важнее, и сейчас ей нужен ясный следующий шаг.

— Что вы хотите сделать?

Марина показывает набранный текст, но не нажимает публикацию.

— Рассказать, как было. Без рекламы. Напишу, кто шил платье, кто приезжал к маме и кто теперь угрожает её фотографией. Прочитайте, пожалуйста. Я на эмоциях могу наговорить лишнего.

Мы правим публикацию вместе. Я убираю обвинения, которые невозможно доказать, Марина оставляет конкретные даты, чеки и историю примерки. Вместо лица матери снимает внутренний шов рукава и открытку. В тексте она пишет, что двадцать лет обращалась к Ларисе Каревой, которая подгоняла одежду под её тело и тело её матери, а название на вывеске было лишь адресом, по которому они её находили.

Перед публикацией Марина снова переводит предоплату. Я отодвигаю её телефон, напоминая о будущих письмах, но она смотрит уже без прежней растерянности.

— Я готова заказать костюм. С остальным разберусь по мере поступления. Ткань купите сегодня, пока я снова не испугалась.

Пост появляется в четыре двадцать семь. Сначала его читают знакомые Марины, потом историю переносят в городской женский канал. На экране всплывают имена, которых я не видела годами: женщина после мастэктомии, учительни-

ца с разной длиной ног, телеведущая, скрывавшая размер от редакции. Они присылают фотографии примерок, называют даты и вспоминают мои исправления на полях заказов.

К шести у KAREVA три тысячи подписчиков и сорок два сообщения. Я отвечаю сама и сразу предупреждаю, что мастерская только открылась, команды и точных сроков пока нет. Десять женщин готовы ждать; ещё пятеро предлагают предоплату, но я не беру деньги, пока не смогу назвать дату.

Марина читает комментарии у окна. Когда одна клиентка вспоминает жакет, который я переделывала после родов, она поворачивает ко мне экран и смеётся — коротко, всё ещё не до конца веря, что не осталась одна. В мастерской по-прежнему голая лампа и две машины, зато уведомления заглушают шум салона снизу.

В семь LARISA публикует заявление. Истории женщин объявляют «скоординированной рекламной кампанией бывшего сотрудника», участницам приписывают намерение причинить ущерб деловой репутации. Следом приходят одинаковые претензии с разными фамилиями и фотографиями.

Марина дочитывает свою до середины и кладёт телефон экраном вниз.

— Они всем это отправят?

Прежняя решимость снова упирается в страх, и я не позволяю своей первой победе стать обязанностью для других.

— Тем, кого смогут найти. Анна собирает письма, но публикации можно закрывать. Никого удерживать не будем.

Я начинаю писать общий ответ, когда появляется видеозвонок от Ольги Савиной — бывшей клиентки и директора по персоналу логистической группы, обслуживающей магазины Виктора. В кадре серые кабинки служебного туалета. Ольга говорит шёпотом и всё время прислушивается к двери.

— Лариса Андреевна, я удалю пост. Вы только не думайте, что я… — Она проводит пальцем под нижним веком и отворачивается от камеры. — Меня вызвал генеральный. Сказал, контракт с LARISA важнее одного сотрудника. Если до восьми история останется на странице, завтра могу не выходить на работу.

Глава 8. Мужчина, от которого меня прятали

Ольга удаляет публикацию при мне. Белый экран отражается в зеркале служебного туалета, а она дважды промахивается по кнопке подтверждения. После этого просит не писать до утра: телефон могут проверить. Я обещаю, хотя понимаю, что даже мой звонок уже стал для неё риском.

Марина закрывает дверь мастерской и собирает фотографии в пакет. Час назад она собиралась отвечать каждому юристу, теперь увидела, как чужая смелость упирается в ипотеку и работу. Её собственный пост остаётся, но комментарии она закрывает.

Я отправляю Анне запись разговора с Ольгой и полученные претензии. Она перезванивает сразу, просит ничего не публиковать об увольнении без письменных доказательств и напоминает: Виктору сейчас важно показать, что любая связь со мной обходится дорого.

— То есть он пройдёт по каждой отдельно, а мы будем ждать бумагу, которую никто не даст?

Анна выдерживает мою резкость и просит дать Ольге самой решить, готова ли она разговаривать с адвокатом. За последние дни слишком многие решали за женщин ради их же безопасности. Я соглашаюсь и отправляю Ольге только но-

мер бюро.

Ночью я остаюсь в мастерской. Телефон лежит рядом на диване и вибрирует почти без перерыва: несколько женщин удаляют истории, одна просит стереть фотографию из переписки, другие присылают угрозы юристов. К утру у меня шестьдесят восемь обращений и один подтверждённый заказ Марины. Ткань пока не оплачена — поставщик закрыл счёт раньше, чем она вернулась.

В семь двадцать пишет Константин: «До подписания производственного договора хочу показать вам документы. Сможете приехать к девяти?» Раньше на фабрику я всегда приезжала с Виктором или служебным водителем. Теперь вызываю такси и беру красный блокнот, договор аренды и претензию на двадцать пять миллионов.

У проходной пахнет шерстью, маслом и паром. Женщины в синих халатах здороваются осторожно, словно проверяют, можно ли произносить моё имя. Возле бухгалтерии висит объявление о зарплате. Понедельник обведён красным.

Константин встречает меня у лестницы. Он замечает мой взгляд на объявлении и не объясняет его раньше времени.

— Выплата через четыре дня, — говорит он, проводя меня в кабинет над цехом. — На счёте хватает на две трети. Если Виктор не переведёт часть долга, придётся занимать под оборудование.

На столе лежат расчёты и старая картонная папка. Я показываю угрозу Ольге. Константин просит переслать скрин-

шот юристу: эта логистическая группа возит и его заказы.

— После вчерашнего отказа подписать письмо Виктор отозвал график погашения, — добавляет он, возвращая телефон. — Бухгалтерия написала, что спор с вами сделал размер долга неясным.

Сорок восемь миллионов подтверждены накладными, актами и подписью Виктора, однако суд не поможет выплатить зарплату в понедельник. Я смотрю на список цехов и количество людей напротив каждого, затем кладу поверх него договор аренды.

— Заберите оборудование и не берите KAREVA в производство. Ему нужна ваша подпись. Если я уйду, он может вернуть платёж.

Константин закрывает расчёт ладонью, не позволяя мне считать, скольким людям уже стоило наше сотрудничество.

— Сегодня он не платит из-за вас, завтра найдёт другую причину. Если я подпишу ложь, он поймёт, что схема работает. Долг будем взыскивать.

Я раскрываю претензию «Лариса Групп». Там перечислены конструкции, которые фабрика шила годами; любой новый заказ KAREVA даст Виктору повод задержать деньги ещё дольше.

— Вы говорите о долге отдельно, а Виктор уже связал его со мной. Я видела, как он прошёл по клиенткам. Не собираюсь приводить его к вашим людям.

За стеклом останавливается раскройная машина. В тиши-

не слышно, как мастер зовёт механика. Константин ждёт, пока оборудование снова заработает, затем открывает старую папку.

— Я позвал вас не уговаривать. Сначала посмотрите и скажите, помните ли это.

На первой странице стоит дата десятилетней давности: «Предложение о совместном развитии линии адаптивной одежды». Ниже — наши имена и условия: отдельная компания, равные доли, мой контроль над дизайном, ответственность фабрики за производство, запрет передавать торговую марку без согласия обоих партнёров.

Я возвращаюсь к первой странице несколько раз. В тот год Виктор сказал, что Зорин хочет дешёво получить мои лекала и выпускать массовую одежду под моим именем. После этого я отказалась от встречи.

— Я никогда не видела этих условий. — Я переворачиваю страницу, проверяя, нет ли на обороте моей пометки, но там чисто.

Константин следит за листом, а не за моим лицом.

— Предложение передали Виктору Сергеевичу после совещания. Через неделю пришёл ответ от вашего имени. Потом он позвонил и попросил больше вас не беспокоить.

Второй лист помещён в прозрачный файл. В письме я якобы не считаю «Зорин Текстиль» партнёром своего уровня, вижу в условиях попытку воспользоваться моей известностью и прошу прекратить личные обращения.

— Я так не разговариваю с людьми. — От собственной подписи под этими словами становится грязно, хотя я впервые вижу письмо.

Константин выдерживает паузу, прежде чем ответить.

— Теперь я это понимаю. Тогда решил, что вы просто не хотите иметь со мной дела. После письма на фабрику вы приезжали только с Виктором. Он не оставлял нас вдвоём даже на запуске.

В памяти выстраиваются совещания: муж забирает переписку, отвечает на вопросы о цене, каждый раз становится рядом, когда Константин подходит с образцами. Я принимала это за экономию моего времени и возвращалась к ткани.

— Почему вы сохранили письмо? — спрашиваю я, когда Константин начинает убирать его в файл.

Он оставляет папку открытой.

— Через два месяца LARISA запустила часть решений из моего предложения. Я готовился к спору. Потом Виктор оплатил разработку, и мы продолжили работать.

В приложениях есть таблица размеров, регулируемые элементы и расчёт отдельной линии. Это ещё не готовые лекала, однако направление совпадает с тем, что я потом годами развивала внутри LARISA. Отдельная компания могла оставить эти разработки под моим контролем.

— Вы пытались поговорить со мной? — Я уже знаю, что любой ответ будет неприятным, но не отпускаю страницу.

Константин проводит пальцем по выцветшему краю пап-

ки.

— Несколько раз собирался. Потом решил, что человек вправе отказаться, даже если делает это унизительно. Добиваться встречи через вашего мужа я не хотел.

Виктор добился большего, чем отменённые переговоры: Константин десять лет был уверен, что я сама поставила его ниже себя. Пока я сопоставляю прошлые совещания с этим письмом, он достаёт нынешний проект договора.

Фабрика получает оплату за производство и не претендует на название, эскизы, клиентские данные или будущую стоимость KAREVA. В разделе о расторжении производство можно остановить после десяти дней просрочки.

— Поставьте тридцать, — прошу я, возвращая страницу. — Иначе первая задержка оставит меня без партии.

Константин берёт ручку, меняет срок и добавляет обязательное согласование графика. Я прошу отдельно указать, что долг не может погашаться торговой маркой, долей или правами на дизайн. Он вписывает это без спора и разворачивает договор ко мне.

— Теперь сможете подписать? — Константин оставляет ручку рядом с договором, но не подвигает её мне.

За стеной работает раскрой, на столе лежит список зарплат, а Виктор уже перекрыл фабрике деньги. Я не беру ручку, пока Константин не объяснит, зачем принимает заказ, который может утянуть его глубже. Он закрывает расчёты, оставляя договор между нами.

— Ваши изделия фабрика умеет шить, простаивающее оборудование денег не приносит. И если сегодня я откажусь после звонка Виктора, завтра он начнёт выбирать всех моих заказчиков. Другого объяснения у меня нет.

Такой ответ не обещает спасения и не требует благодарности. Я подписываю договор и прошу копию старого предложения для Анны. Пока Константин идёт к сканеру, переворачиваю письмо с отказом, проверяя дату и регистрационный номер.

Внизу стоит отметка электронной системы и моя усиленная квалифицированная подпись — та самая, которой Виктор годами предлагал заверять документы по цветным стикерам. Константин возвращается и замечает, что я больше не читаю текст.

— Что вы нашли? — Он кладёт копии рядом, не закрывая мне строку сертификата.

Я показываю отметку проверки. Написать ответ Виктор мог сам, однако отправить его от моего имени без доступа к ключу не смог бы. Значит, десять лет назад он уже пользовался подписью, которой теперь подтверждены согласие на продажу, медицинские документы и мой добровольный уход.

— Я никогда не подписывала этот отказ.

Глава 9. Тридцать дней

— Я никогда не подписывала этот отказ.

Константин не пытается убедить меня, что я могла забыть. Забирает письмо, проверяет отметку электронной подписи и кладёт рядом с нынешним договором. На столе лежат две версии моей жизни: в одной я десять лет назад сама унизила человека и отказалась от равного партнёрства, в другой Виктор решил за меня и оставил под решением моё имя.

— Копию заберёте сейчас. Оригинал останется у меня, если понадобится экспертиза.

Слово возвращает меня в сегодняшний день. За стеклом идут люди, до зарплаты четыре дня, а я смотрю на бумагу десятилетней давности и не знаю, сколько ещё решений муж принимал моими руками.

Я звоню Анне из кабинета. Она просит прислать сканы и приехать вместе с оригиналом. Пока Константин закрывает письмо в сейфе, на мою почту приходит приглашение Виктора на встречу с покупателями бренда в клубе «Пятый этаж».

— Он уверен, что вы придёте одна и сорвётесь, — говорит Анна, когда мы приезжаем в бюро. — Условия входа составлены так, чтобы вашего представителя не допустили.

Внизу действительно указано: встреча акционеров и приглашённых консультантов. Моё присутствие оформлено как личное приглашение основателю.

— Тогда предупредите покупателей о спорной подписи. Без вас я не пойду.

Анна откладывает телефон и несколько секунд смотрит на меня.

— Там могут показать заявления детей, медицинские документы, записи. Я могу направить уведомление и не вести вас туда лично.

Я вспоминаю Полину у кулисы и Дениса, аплодирующего Асе.

— Если они уже подписали, лучше увидеть сейчас.

Покупатели соглашаются допустить Анну. Константин оставляет оригинал письма в сейфе бюро и уезжает на фабрику. Перед уходом я прошу остановить производство KAREVA, если после встречи Виктор окончательно перекроет ему деньги.

Он задерживается у двери.

— Вы опять решаете за мою фабрику.

После угроз клиенткам я наконец слышу, что делаю.

— Тогда не скрывайте цифры. Остальное решите сами.

— Так договорились.

«Пятый этаж» занимает верхнюю часть стеклянной башни. В переговорной уже сидят Виктор, Денис и двое представителей покупателя. Полины нет.

Муж поднимается навстречу Анне, будто именно её появление считает нарушением приличий.

— Мы договаривались о семейном разговоре.

Анна ждёт, пока ей принесут стул.

— Сделка на несколько сотен миллионов перестала быть семейным разговором, когда вы включили в неё обязательства моей доверительницы без её согласия.

Представитель покупателя Ирина Крылова просит всех сесть. Рядом с ней Павел Еременко листает распечатку переписки. Им не важно, кто кому изменил. Нужно понять, можно ли купить бренд без пожара.

Виктор запускает презентацию. На первом слайде — юбилейный кадр: он, Ася, Денис и Полина под моим именем. Следом схема сделки и зелёная строка: «Основатель сохраняет консультативную роль восемнадцать месяцев».

— Это ложь. Я не соглашалась создавать коллекции после ухода и не знала о продаже.

Виктор открывает документ с моей электронной подписью.

— Лариса подписала рамочное соглашение. После этого её состояние ухудшилось, и она начала отрицать уже принятые решения.

Анна требует журнал входа и сведения о сертификате. Виктор обещает предоставить технические материалы позже, а пока выводит семейное заявление Дениса и Полины.

— Ваши дети подтверждают, что переход обсуждался в семье, — обращается ко мне Павел.

Я смотрю на сына. Перед ним стоит вода, к которой он не притрагивается.

— Ты слышал от меня, что я согласна уйти и шить для Аси?

Денис поправляет манжету.

— Мы обсуждали, что тебе тяжело тянуть ежедневное управление. Ты сама говорила, что устала.

Я жду. Он понимает: придётся либо солгать прямо, либо признать, что поверил отцу вместо меня.

— Папа сказал, вы всё решили. Я не видел причины не верить.

— А спросить меня?

Денис смотрит на Виктора. Тот уже открывает следующий файл.

На экране появляется медицинская рекомендация трёхлетней давности. После тяжёлого показа у меня поднялось давление и началась бессонница; врач написал снизить нагрузку на две недели. Теперь выделены слова «эмоциональное истощение», «нарушение концентрации», «рекомендован покой».

— Это медицинский документ, — произносит Анна. — На каком основании вы его распространяете?

Виктор отвечает, что заключение хранилось в семейном архиве и он защищает интересы супруги и компании.

— Я пропустила одну встречу после трёх бессонных ночей, — объясняю покупателям. — Коллекцию выпустили в срок.

Ирина Крылова замечает, что документ показан не пол-

ностью. Виктор обещает предоставить оригинал и запускает семейный ролик. Мой голос снова благодарит команду и говорит, что пришло время уступить дорогу. Монтаж склеивает эти слова с кадром, где Полина обнимает меня за плечи.

Анна кладёт ладонь на стол рядом с моей, не касаясь. Ждёт, пока я сама соберусь.

— Исходник интервью у Полины. Там я говорю, что однажды передам управление детям, если они захотят продолжить дело. Об Асе и уходе нет ни слова.

Денис закрывает глаза. Виктор резко останавливает запись.

— Ты цепляешься к монтажу, хотя вопрос в другом. Компания не может зависеть от твоих перепадов. Вчера ты пыталась сорвать показ, сегодня настраиваешь клиентов и подрядчиков.

— Вчера ты вывел беременную любовницу в моём платье и объявил, что я добровольно ушла. Какой реакции ты ждал?

Павел просит вернуться к сделке. Виктор показывает ещё два договора: я обозначена консультантом осенней и весенней коллекций. Внизу снова моя электронная подпись.

Анна кладёт рядом копию отказа Константину.

— Эта подпись тоже прошла проверку. Лариса Андреевна документа не видела. Оригинал передан на хранение. Мы подаём заявление о компрометации ключа и требуем приостановить действия, основанные на её электронной подписи.

Покупатели перестают смотреть на меня как на женщину,

переживающую развод, и переводят внимание на Виктора.

Он читает первую страницу и возвращает документ.

— Письмо десятилетней давности, которое внезапно нашёл кредитор компании. Удобно.

— Не удобнее четырёх подписей вашей жены на документах, которых она не видела, — отвечает Анна и передаёт покупателям официальное уведомление.

Ирина Крылова уходит звонить совету директоров. Мы ждём почти двадцать минут. Виктор шепчется с юристом. Денис смотрит в телефон и не отвечает на моё сообщение, хотя сидит в трёх метрах.

Вернувшись, Ирина сообщает решение. Покупатель не выходит из сделки, но ставит её на паузу на тридцать дней. За это время Виктор должен подтвердить действительность моих обязательств, урегулировать спор по товарным знакам и получить отдельное согласие на творческое сопровождение. Иначе цену пересмотрят или сделку прекратят.

— Средства на расчёты с персоналом перечисляются на условный счёт, — добавляет Павел. — Они будут разблокированы после закрытия сделки или отдельного решения кредитного комитета.

Денис поворачивается к отцу.

— Зарплаты тоже?

Виктор отвечает не сразу.

— Найдём оборотные средства.

По лицу сына видно: эту часть он слышит впервые. В его

таблице деньги уже существовали, нужно было только заставить меня не мешать. Теперь ближайшая зарплата стала залогом моей подписи.

У двери Виктор задерживается рядом со мной.

— Тридцать дней, Лара. Потом либо подпишешь, либо объяснишь людям, почему решила оставить их без денег.

В коридоре возле лифта ждут четыре женщины из LARISA. Ирина Павловна, две швеи и администратор Наташа. Их пропустили как представителей работников, но на встречу не позвали.

Ирина держит список фамилий.

— Нам сказали, деньги покупателя заблокировали из-за твоего заявления. Лариса, я понимаю, что с тобой сделали. Но у девочек кредиты, дети. До зарплаты неделя.

Наташа плачет молча, вытирая лицо ребром ладони. Одна из швей протягивает мне обращение сотрудников.

— Если вы сейчас отступите, нам выплатят всё. Потом судитесь с Виктором Сергеевичем сколько нужно. Только… только не за наш счёт.

Под обращением семьдесят три подписи.

Вчера эти женщины боялись подойти ко мне за стеклянной дверью. Сегодня пришли сами — просить, чтобы я позволила Виктору использовать моё имя ещё немного, потому что иначе их детям нечем будет платить за обеды.

Глава 10. Сумасшедшая основательница

Я не беру список сразу. Подписи расплываются перед глазами: кладовщица Тамара, раскройщица Люба, продавцы из двух магазинов. Люди, которым я сама обещала устойчивую работу.

— Если я подпишу сопровождение, деньги разблокируют? — спрашиваю Ирину.

Она признаётся, что им только так сказали. Анна забирает обращение раньше, чем Виктор успевает превратить его в документ против меня.

— Условный счёт не разблокируют одной подписью Ларисы Андреевны. Нужны решение покупателя и кредитного комитета. Вам показали подтверждение?

Женщины переглядываются. Им дали простую причину и отправили ко мне.

— Ира, я не могу подписать, что добровольно ушла и обязалась работать на Асю. Этим они закроют сделку, а у меня не останется права доказать подделку.

Ирина прижимает список к груди.

— Я понимаю. Только девочкам от понимания легче не станет.

Они уходят к лифту. Наташа оборачивается перед закры-

тием дверей, будто ждёт, что я всё-таки остановлю их. Я не двигаюсь.

До мастерской добираюсь после полуночи. На столе лежит ткань для костюма Марины, рядом новый красный блокнот и копия обращения с семьюдесятью тремя фамилиями. Денис не отвечает. Полина не читает моё сообщение: «Кто передал отцу медицинское заключение?»

В половине третьего приходит письмо от Инги Белозёровой, владелицы сети косметологических центров. Она увидела историю Марины и хочет заказать двенадцать костюмов для руководителей филиалов. Такой заказ закроет аренду, ткань и первую производственную партию.

Я отвечаю, что пришлю расчёт после примерки, и ложусь на узкий диван. Вентиляция гудит под полом, перед глазами остаются подписи сотрудниц. Засыпаю минут на сорок.

Телефон будит в шесть двадцать семь. Марина звонит трижды подряд.

— Не открывайте комментарии одна. Я сейчас приеду.

Telegram-канал «Без ретуши» публикует материал: «Основательница LARISA теряет память и пытается уничтожить собственный бренд».

На первой фотографии меня выводят со служебного входа. Ниже — кадр с юбилея, где я тянусь к Асе. Его обрезали так, будто я собираюсь ударить беременную женщину.

Текст написан заботливым тоном. Семья якобы много лет скрывала моё профессиональное угасание. Виктор пытался

обеспечить мягкий переход, дети поддержали решение ради моего здоровья, но я не смогла принять возраст и потерю влияния.

Они прикладывают медицинскую рекомендацию. Из двух недель покоя сделали многолетние проблемы с концентрацией.

Следом идёт видео с показа четырёхлетней давности. Тогда поставщик привёз ткань другого оттенка за сутки до премьеры. Я плачу в пустом зале и кричу Виктору, что больше не могу вытаскивать его ошибки. В публикации оставили: «Я больше не могу. Я всё забываю, я не понимаю, что происходит». Последняя фраза относилась к перепутанным накладным.

Я замечаю край рукава в зеркале. Снимала Полина.

Внизу цитаты детей. Денис сообщает, что команда всё чаще исправляла мои решения. Полина просит публику не осуждать мать: «Мы больше не можем скрывать, что ей тяжело ориентироваться в работе и принимать перемены».

Я звоню дочери. Она сбрасывает. На второй вызов отвечает Виктор; за его голосом слышно кофемашину.

— Убери публикацию.

— Я не управляю каналом.

— Медицинский документ был у тебя. Запись снимала Полина. Цитаты дали мои дети.

Виктор просит не начинать с обвинений и добавляет, что материал можно было предотвратить соглашением.

— Это ты заказал статью?

Он молчит слишком долго.

— Лара, вчера ты поставила под угрозу зарплаты. Люди имеют право знать, почему основательница разрушает сделку.

— Передай Полине: я жду ответа, откуда у вас заключение.

— Она не обязана выслушивать твои нападки.

Через минуту Полина пишет сама: «Мам, не звони. Я сказала правду. Ты не видишь себя со стороны».

Марина приезжает с кофе и штативом. Она замечает, как я просматриваю сообщения KAREVA: девять обращений уже удалены, Инга Белозёрова просит перенести встречу до прояснения ситуации.

— Вы собираетесь отвечать?

— Словами они скажут, что я оправдываюсь. Покажу работу.

Марина ставит стакан подальше от ткани.

— Сейчас? Вы спали вообще?

Если отложу, Виктор назовёт это новым подтверждением. Анна по телефону против эфира без подготовки. Советует дать письменный ответ и пройти независимое обследование.

— Я не буду доказывать диагноз, которого нет. Построю жакет с нуля, без старых лекал.

Анна замолкает, потом просит не обсуждать детей и медицинские данные. Запретить мне она не пытается.

К десяти мы закрепляем камеру. Я выбираю сложную задачу — жакет для Марины с разной высотой плеча и свободой для правой руки. Марина садится вне кадра и обещает остановить эфир, если я начну торопиться.

Первые двадцать минут всё идёт чисто. Я объясняю, почему снимаю мерки с обеих сторон, как переношу застёжку и где добавляю свободу движения. Число зрителей растёт до восьми тысяч. В комментариях появляются старые клиентки и люди, пришедшие посмотреть, ошибусь ли я.

На построении проймы звонит Денис. Его имя вспыхивает рядом с камерой. Я сбрасываю и продолжаю, но следующая линия не сходится на полтора сантиметра.

— Здесь должно быть двадцать шесть с половиной, — говорю я и записываю двадцать восемь. Цифра осталась от предыдущего расчёта.

Марина замечает первой и подвигает лист с мерками. Я понимаю ошибку и на несколько секунд теряю след объяснения.

— Подождите. Я взяла прежнее значение. Сейчас исправлю.

В комментариях уже спрашивают: «Она забыла цифру?», «Так дочь говорила правду?»

Я стираю линию, бумага истончается. В голове звучит запись с показа: «Я всё забываю». Грифель ломается.

— Лариса Андреевна, воду, — говорит Марина из-за камеры. Она не подходит, чтобы не превратить паузу в спасе-

ние.

Я беру другой карандаш.

— Ошибка в полутора сантиметрах испортит посадку. Поэтому возвращаемся к меркам и перестраиваем участок.

Я довожу выкройку до конца, показываю контрольные точки и прикладываю макет к Марине. Правое плечо ложится ровно. В эфире остаются шестнадцать тысяч человек. Несколько зрительниц пишут, что доверяют мастеру, способному заметить ошибку.

На несколько минут кажется, что Виктор просчитался.

Потом Марина протягивает телефон.

Полина уже выложила короткий фрагмент. Там нет начала, исправления и готового макета. Только мой остановившийся взгляд, неправильная цифра и слова: «Подождите. Я взяла прежнее значение».

Под видео дочь пишет: «Мы больше не можем скрывать правду. Маме нужна помощь, а не люди, которые подталкивают её продолжать работать».

Ролик разлетается быстрее полного эфира. «Без ретуши» добавляет его к статье как подтверждение.

Я звоню Полине с телефона Марины. Дочь отвечает, не зная номера.

— Зачем ты вырезала именно этот кусок?

На другом конце тишина. Потом она устало просит меня прекратить.

— Ты сейчас сама всё показала. Ты путаешь расчёты пе-

ред тысячами людей, а рядом какая-то женщина заставляет тебя продолжать.

Марина слышит и отворачивается к окну. Я сажусь.

— Я исправила ошибку и закончила выкройку. Ты это видела.

— Я видела, как ты растерялась. Раньше такого не было.

Раньше дочь приносила мне чай после ночных показов и прятала телефон, когда я плакала. Теперь выбирает кадры, которыми отец доказывает мою непригодность.

— Полина, медицинское заключение передала ты?

Она начинает отвечать, но рядом с ней Виктор произносит моё имя. Вызов обрывается.

На странице KAREVA появляется публичный комментарий Инги Белозёровой. Она отменяет встречу и заказ двенадцати костюмов. Пишет, что не готова доверять репутацию своей компании «специалисту, чья способность работать вызывает обоснованные вопросы».

Под комментарием уже благодарят её за ответственное решение.

Я смотрю на выкройку Марины. Все линии сходятся. Правое плечо рассчитано правильно. Но заказ, который мог оплатить первую коллекцию, исчез из-за полутора сантиметров, исправленных через несколько секунд.

Глава 11. Цена идеального платья

Я стираю начатый ответ Инге Белозёровой и ещё раз проверяю выкройку. Ошибка исправлена, контрольные точки совпадают, макет сидит на Марине ровно. Бумага не врёт. Люди — могут.

— Может, остановимся на сегодня? — Марина не снимает жакет-макет и придерживает правый рукав, чтобы не смять пройму. После звонка Полины она говорит осторожнее, будто громкий голос способен снова запустить чужую камеру. — Вы сорок минут объясняли всё правильно. Те, кто хотел увидеть ошибку, всё равно её нашли.

Если останусь здесь, буду перечитывать комментарии и проверять цифры, которые уже проверила трижды. Я складываю выкройку, пишу Константину, что готова показать конструкцию на фабрике, и получаю ответ почти сразу: «Привозите. В одиннадцать свободны три примерщицы и конструктор».

Марина начинает расстёгивать макет.

— Вы сейчас поедете работать?

— Если отложу до завтра, утром буду бояться взять карандаш. — Я помогаю ей освободить больную руку. — А ваш костюм нужен через четыре дня.

До фабрики мы едем вместе. В цехе жарко от утюжильных столов; пар оседает на стёклах кабинета конструкторов.

Женщины у машин узнают меня, но здороваются не все. На одном телефоне открыт обрезанный ролик.

Константин ждёт возле раскройного стола с главным конструктором Тамарой Николаевной. Рядом с моей выкройкой лежит расчёт себестоимости. Он не спрашивает, как я себя чувствую, и этим помогает больше, чем осторожностью.

— Начнём с образца Марины Викторовны, — говорю я, раскладывая бумагу. — Потом проверим на других фигурах. Мне нужны женщина ниже ста шестидесяти, размер пятьдесят два или пятьдесят четыре, и высокая с узкими плечами.

Тамара Николаевна уже собирается вызвать сотрудниц, но Константин удерживает лист с расчётом.

— Сначала объясните, что именно мы запускаем. Индивидуальный костюм или серийную модель?

— Модель, которую можно адаптировать. Я привезла базу и три варианта корректировки.

— Здесь семь вариантов, — Константин проводит пальцем по моим пометкам: разная высота плеч, смещённая застёжка, дополнительный объём справа, изменение глубины проймы. — И каждый требует, чтобы вы лично сняли мерки, выбрали поправку и проверили макет.

Я забираю лист из-под его руки. Вчера город обсуждал, способна ли я работать; сегодня мужчина, с которым я только подписала договор, начинает с того же сомнения.

— Я двадцать лет так работала. Именно поэтому вещи садились.

Константин не отступает, но и не продолжает поверх меня. Ждёт, пока я закончу раскладывать лекала, и только потом разворачивает таблицу себестоимости.

— На одну примерку ушло два часа вашего времени. На перестроение — ещё три. Если будет десять заказов, вы справитесь. Если сто — начнёте ночевать здесь. Фабрика простоит, пока вы лично разрешаете каждый сантиметр.

— Значит, фабрике удобнее шить то, что одинаково плохо сидит на всех?

Тамара Николаевна отходит к шкафу с образцами. Марина остаётся рядом, настороженно следя за Константином.

— Фабрике нужно понимать, что делать без вашего присутствия, — отвечает он уже жёстче. — Иначе KAREVA снова окажется компанией, где все решения держатся на одной женщине, которая не спит, не ест и бесплатно исправляет чужие ошибки ночью.

Я слышу голос Дениса: «Ты шила. Он сделал из этого бизнес» — и прижимаю ладонь к бумаге, чтобы не смять её.

— Виктор тоже говорил, что освобождает меня от рутины. В итоге он забрал документы, деньги и имя. Вы предлагаете начать с того, что моя работа слишком дорогая и неудобная.

Константин останавливает готовый ответ. За стеклом запускают машину, кабинет дрожит от ровного стука. Он закрывает таблицу, не пряча её.

— Я предлагаю перестать считать ваше время бесплатным. Это не одно и то же. — Он произносит медленнее, по-

тому что теперь спорит уже не с конструкцией. — Вы можете лично вести каждую клиентку. Тогда в цену костюма нужно включить ваши пять часов, и заказ будет стоить втрое дороже. Или вы создаёте систему, которой сможет пользоваться конструктор без звонка вам в два часа ночи. Решение ваше. Но цифры я подделывать не буду.

Я смотрю на себестоимость ещё раз. В старом бренде моих часов действительно не было: зарплата основательницы, дивиденды семьи, бесконечное «Лара, посмотри, там что-то тянет». Я не знала, сколько стоит моё присутствие, потому что оно считалось обязанностью.

Марина снимает макет и обращается ко мне, не к Константину:

— Мне важно, что вы увидели мою руку. Но я не хочу, чтобы вы ради каждого рукава переставали спать. Если другая женщина сможет сделать по вашим правилам, я не почувствую себя хуже.

Я провожу пальцем по линии проймы. До сих пор все варианты начинались с моей оценки: я смотрю на женщину, решаю, где добавить, где убрать. Значит, нужно вынести решение из головы на бумагу.

— Дайте мне три фигуры и час, — прошу я Тамару Николаевну. — И все типовые основы по жакетам, которые фабрика использует сейчас. Старые LARISA не трогаем.

Приходят невысокая начальница смены Галина, высокая бухгалтер Светлана и Марина. Я снимаю ключевые мерки

и раскладываю один образец с незашитыми боковыми швами. Вместо семи отдельных перестроений делаю три сменных элемента: регулируемую плечевую накладку, внутреннюю планку с двумя линиями крепления и боковую вставку, которую можно выбрать по таблице.

Первый вариант на Галине задирается у груди. Она пытается расправить жакет и виновато говорит, что у неё всегда так. Я уже тянусь распороть пройму, но Тамара Николаевна останавливает меня и выбирает из таблицы другую вставку. Через десять минут ткань ложится ровнее без моего расчёта.

— А если грудь ещё больше? — Галина поворачивается боком к зеркалу и впервые перестаёт тянуть полы вниз. — Тут не разойдётся?

Я начинаю объяснять, где перенесу вытачку, но вижу, что снова превращаю себя в обязательное звено. Беру мел и добавляю на таблицу четвёртый диапазон, рядом отмечаю готовое смещение.

На Светлане жакет висит мешком в талии. Константин молчит у двери, хотя по его расчёту мы уже вышли за час. Тамара выбирает вторую линию крепления планки, убирает лишний объём со спины, и высокая женщина поднимает руки, проверяя, не тянет ли ткань.

— Я бы такой носила, — говорит она, рассматривая себя без привычной насмешки. — Только карман нужен настоящий. Не этот позор на два пальца.

Мы смеёмся, и впервые за утро я думаю не о ролике По-

лины. Рисую глубокий карман, не оттягивающий полы, и передаю мел Тамаре. Она сама переносит решение на карту.

Марина надевает третий образец. Правая сторона требует дополнительной свободы; Тамара сверяется с новой таблицей и выбирает вставку без подсказки. Марина поднимает больную руку до уровня плеча, берёт со стола толстую папку и прижимает её к груди. Жакет не перекашивается.

— Вот так я и пойду на собеседование, — говорит она, глядя не на меня, а на себя в зеркало. — С папкой. Чтобы сразу видели: я пришла работать, а не жаловаться.

Три разные женщины стоят рядом. На каждой одна модель выглядит не одинаково, а правильно. Впервые результат не зависит от того, успела ли я лично проверить последний шов.

Константин подходит к столу, когда Тамара уводит образцы в цех. Он кладёт рядом новую себестоимость: время моей работы сократилось почти в четыре раза, зато в расчёте появилась отдельная строка «авторская разработка KAREVA».

— Так честнее? — спрашивает он, не пытаясь превратить цифры в извинение.

Я читаю строку и возвращаю лист.

— Так непривычно. Но да.

Он кивает, затем показывает сообщение от поставщика ткани. Для запуска нужна эластичная костюмная шерсть с определённой плотностью; именно она выдерживает сменные вставки и не вытягивается на креплениях. Остатка хватило бы на первую партию.

Я звоню поставщику. Менеджер сначала говорит, что партия зарезервирована, потом узнаёт KAREVA и путается в сроках.

— Кто поставил резерв? — спрашиваю я, открывая договорённость в переписке. — Вчера вы подтверждали мне сто восемьдесят метров.

На том конце шуршат бумаги. Менеджер просит не втягивать его в конфликт и наконец признаётся: утром весь остаток выкупила «Лариса Групп». Дополнительным письмом компания предупредила, что поставки этой ткани KAREVA будут расцениваться как содействие нарушению их исключительных прав.

— Они не владеют тканью, — говорю я, но мужчина отвечает уже тише: у LARISA годовой контракт и крупные объёмы; потерять их он не может.

Перед нами стоят три удачных образца, технологическая карта и первая система, которая может работать без меня. Запустить её не из чего.

Глава 12. Мою коллекцию выпускают без меня

После звонка Тамара Николаевна снимает с манекена готовый жакет и выворачивает его наизнанку, проверяя, можно ли заменить ткань. Более тонкая не удержит крепления, плотная будет топорщиться на боковых вставках. Константин вызывает снабженца, но тот перечисляет аналоги, которых либо нет в нужном объёме, либо они в полтора раза дороже.

— Первую партию можно сделать меньше, — предлагаю я, просматривая образцы. — Двадцать изделий вместо шестидесяти. Найдём остатки по разным складам.

Константин не отвергает идею, только просит учитывать разницу оттенков. Я уже пишу поставщикам, когда телефон одновременно вибрирует у меня, Марины и Светланы. На странице LARISA начинается премьера тизера новой коллекции.

Ася стоит в белом зале среди зеркал. На ней тёмно-зелёный жакет с мягкой линией плеча и боковой вставкой, скрытой под диагональной планкой. Декор другой, ткань тяжёлая, застёжка вынесена наружу золотыми кнопками. Но внутри я вижу систему, которую рисовала дома в красной тетради: две линии крепления, сменная деталь под правой проймой

и смещение внутренней планки.

Эту конструкцию я не передавала технологам. Она была сырой, поэтому не вошла ни в одну коллекцию. На полях тетради я написала: «Дать женщине возможность менять посадку самой». Теперь Ася произносит ту же мысль, заменив одно слово.

— Мы создаём одежду, которая меняется вместе с женщиной, — говорит она в камеру. — Авторская система адаптивной посадки позволит регулировать изделие без сложной переделки.

Марина приближает телефон к лицу.

— Это ведь ваше?

Я ставлю ролик на паузу в момент, когда Ася расстёгивает внутреннюю планку. Один ряд кнопок расположен неровно — в тетради я пометила, что нижнюю точку надо поднять на сантиметр, иначе полочка уйдёт назад. Они скопировали не только идею, но и незавершённую ошибку.

— Моё. Из красной тетради.

Константин просит отправить видео Анне и больше ничего не публиковать, пока юристы не зафиксируют страницу. Я уже набираю Ирину Павловну. Она отвечает не сразу; за её голосом хлопает дверь и гудит вентиляция служебной лестницы.

— Ты видела тизер? — спрашиваю я, отходя от остальных. — Ира, мне нужно знать, кто делал технологическую карту.

Она дышит слишком часто, будто спускалась бегом.

— Лариса, я не могу говорить. Нам утром забрали телефоны на планёрке, мой сейчас в шкафчике. Я вышла на минуту.

Я слышу, как кто-то проходит по лестнице. Ирина перестаёт говорить, пока шаги не затихают.

— Тетрадь у Аси, — продолжает она шёпотом. — Они сканировали страницы. Конструкторы отказались запускать модель без доработки, тогда Виктор потребовал оформить всё как разработку нового креативного директора. Сегодня дают подписи.

— Тебе тоже?

Вместо ответа Ирина шумно выдыхает. Я представляю конверт, который она держала у турникета, и красный огонёк камеры над ней.

— Не подписывай за меня, — прошу я и сразу понимаю, что опять делаю её работу ценой её зарплаты. — Нет. Подожди. Что именно там написано?

— Что Ася Мельникова передала концепцию и конструктивное решение, а технологический отдел только адаптировал их к производству. Ещё пункт: никто из сотрудников не передавал материалы бывшему креативному директору.

Она произносит мою должность так, как написано в бумаге, и голос ломается на слове «бывшему».

— Ира, сфотографируй документ, если можешь безопасно. Если нет — ничего не делай. Анна запросит официально.

— Они не дадут. — На лестнице снова открывается дверь, Ирина торопится, но не кладёт трубку. — Я уже сказала, что не подпишу. Я эту систему видела у тебя дома полгода назад. Помнишь, мы пробовали на старом манекене? Ася тогда вообще не работала с конструкторами.

Моё первое желание — потребовать, чтобы она повторила это письменно. Я прикусываю язык. Ирина не доказательство, которое можно вынуть из шкафа вместе с тетрадью.

— Возвращайся в цех. Не спорь одна. Я сейчас свяжусь с Анной.

— Поздно, — отвечает Ирина после паузы. — Руденко идёт сюда.

Связь обрывается. Я перезваниваю — телефон выключен.

Анна фиксирует ролик через нотариальный сервис и просит не называть Ирину источником. Если мы публично скажем, что сотрудница подтверждала кражу, Виктор обвинит её в передаче корпоративной информации и использует контакт против нас обеих.

— Тогда Ася завтра начнёт принимать заказы на мою конструкцию, — говорю я, глядя, как под тизером растут восторженные комментарии. — Они уже называют её авторской.

— Мы подадим требование удалить публикацию и запросим обеспечительные меры. Но без тетради, черновиков или независимого свидетеля суд не остановит коллекцию за один день.

Красная тетрадь у Виктора. Независимого свидетеля сейчас увольняют за то, что она отказалась солгать.

Через сорок минут Ирина звонит с незнакомого номера. Голос у неё ровный до неестественности; так она разговаривала с клиентками, когда в цехе случался брак и нужно было дотянуть разговор до решения.

— Меня уволили. По статье за разглашение коммерческой тайны и отказ выполнять распоряжение работодателя. Компенсацию по сокращению отменили, квартальную премию тоже. Руденко забрал пропуск прямо у стола.

Я сажусь на край раскройного стола. Вокруг продолжают работать машины, и никто не слышит, как женщина теряет двенадцать лет работы из-за моей тетради.

— Где ты сейчас?

Ирина отвечает, что сидит в кафе напротив офиса и ждёт такси. Коробку с вещами ей не дали вынести: обещали доставить после проверки. Внутри остались лекарства матери и запасные ключи.

— Я приеду.

Она резко запрещает. Не потому, что не хочет меня видеть: возле входа журналисты, а служба безопасности снимает всех, кто подходит. Виктору нужен кадр, подтверждающий нашу связь.

— Пусть подтверждает, — выговариваю я. — Ты работала со мной двенадцать лет. Я не буду делать вид, что не знаю тебя, пока они выставляют воровкой.

Ирина молчит так долго, что я слышу звон посуды в кафе.

— У меня ипотека, Лариса. Маме сиделка нужна каждый день. Если они повесят на меня двадцать пять миллионов, я не отбьюсь. Ты скажешь публично — они именно это и сделают.

Она не просит меня молчать. Просто кладёт передо мной цену, которую уже не может заплатить одна.

Я отменяю поездку и прошу переслать приказ Анне. Потом записываю видео в цехе фабрики. Без обвинений в краже документов и без имени Ирины. Показываю дату своих эскизов из старой переписки с поставщиком фурнитуры, объясняю принцип конструкции и отдельно говорю, что главный технолог LARISA отказалась подтверждать чужое авторство, после чего была уволена.

Константин перед публикацией спрашивает, понимаю ли я последствия. Он не отговаривает и не нажимает кнопку вместо меня.

— Если промолчу, они скажут, что Ирина украла модель для меня. Если выступлю, скажут то же самое громче. Зато её отказ останется не только в их внутреннем приказе.

Я публикую видео и отправляю копию журналистам вместе с заявлением Анны. Через час LARISA отвечает: Ирина Павловна якобы передавала конфиденциальные сведения конкуренту и участвовала в попытке присвоить коллективные разработки. Мой ролик называют прямым подтверждением сговора.

Ирина присылает только одно сообщение: «Спасибо, что не назвала меня источником. Приказ у Анны».

Следом приходит новое письмо от юридической службы Виктора. В изменённом иске сумма остаётся прежней — двадцать пять миллионов, зато ответчиков теперь двое.

Первой указана я. Второй — Ирина Павловна Соколова, уволенный главный технолог, которая сегодня утром отказалась назвать Асю автором моей коллекции.

***

Эта глава далась мне очень нелегко... Уволить преданного человека, оставить без копейки с больной матерью на руках только за то, что она отказалась лгать — от цинизма Виктора просто мурашки по коже. ##

Если история не оставляет вас равнодушными, жмите на звездочку под книгой и подписывайтесь на мой профиль. Вместе мы обязательно доведем Ларису до победы! ✨

https://litnet.com/shrt/S25-

Глава 13. Красная тетрадь продаётся вместе со мной

Рядом с именем ирины пометка: «действовала в интересах ответчика Вороновой Л. А.». Они уже решили, что её отказ был моим приказом.

Я набираю Ирину, но Анна успевает накрыть телефон ладонью.

— Не сейчас. Её уволили час назад, добавили в иск и наверняка ждут вашего звонка. Потом предъявят распечатку как подтверждение сговора. — Она не убирает руку, пока я сама не прекращаю вызов.

— Она одна, без работы и с матерью после инсульта. Что мне сделать — исчезнуть, чтобы Виктору было удобнее?

Анна не спорит. Она разворачивает ко мне экран с фамилией Ирины и ждёт, пока я посмотрю именно туда.

— Дайте ей самой решить, хочет ли она становиться вашим свидетелем. Я найду отдельного адвоката. Не приезжайте спасать её так, чтобы завтра стало хуже.

Утром я просила Ирину не подписывать ложь и тут же попыталась забрать просьбу назад. Решение она уже приняла. Теперь платит за него тоже она. Я кладу телефон рядом с иском.

— Хорошо. Что у нас есть без Ирины?

Виктор приложил технологические карты, письма и внутренние приказы. Всё хранится на серверах компании, всё выглядит аккуратно и официально. Моё авторство осталось там, где его никогда не требовали доказывать.

Константин задерживается на перечне спорных моделей.

— Эти вещи носили задолго до Аси. У клиенток могут сохраниться фотографии, переписка, старые образцы.

Я вспоминаю свадебное платье матери Марины, открытку с моим почерком и голосовые, которые женщины присылали после первой публикации.

— Не у компании, — произношу я, открывая сообщения. — У женщин.

К семи вечера в мастерской негде поставить стул. Марина подписывает пакеты, помощница Анны фиксирует даты. Я думала, будет трудно просить доказательства. Труднее принимать то, что женщины приносят вместе с ними.

Светлана достаёт белый жакет десятилетней давности. На подкладке моим почерком: «Правое плечо +1,2». Она держит воротник обеими руками, пока помощница фотографирует пометку.

— Только не оставляйте. Я в нём к мужу в больницу ездила. Он потом умер.

Для иска это дата и шов. Для неё — последние поездки к мужу. Мы фиксируем жакет без изъятия и возвращаем сразу.

Другая клиентка открывает голосовое восьмилетней дав-

ности. Я раздражённо объясняю цеху: «Не тяните окат, она руку не поднимет». Дальше женщина плачет и просит этот кусок не копировать. Она остаётся рядом, пока запись обрезают. Они боятся не суда — снова потерять то, что принесли.

К половине девятого у нас есть вещи, чеки, фотографии и переписки. Но конструкция из тизера всё ещё держится на словах Ирины и красной тетради у Виктора.

Марина поднимается по лестнице с женщиной лет пятидесяти. Та прижимает к себе длинный чехол и не снимает тёмный платок.

— Екатерина Аркадьевна. Платье её мамы, — представляет Марина. — Она увидела ролик Аси и узнала застёжку.

Екатерина ставит чехол на стол, но молнию не открывает. Пальцы остаются на бегунке, словно мы уже собираемся отнять у неё вещь.

— Я сначала фотографию хотела прислать. Потом решила: скажете, что ничего не видно. Только платье здесь не останется.

Я отодвигаю камеру помощницы Анны.

— И не нужно. Покажете то, что считаете важным, мы зафиксируем и сразу вернём.

Она смотрит на Анну, потом снова на меня.

— Вы маму помните?

Сквозь разошедшийся край чехла видна золотистая ткань.

— Галина Сергеевна. Золотая свадьба. После лечения у

неё менялся вес, и она боялась, что платье снова придётся распарывать.

Екатерина медленно расстёгивает чехол. На стол ложится платье цвета старого золота. Внутри — две линии крепления и сменная боковая планка, ранняя версия системы, которую Ася назвала своей.

— Мама говорила, вы приезжали к ней домой. — Екатерина разглаживает лиф и резко убирает руку. — Я тогда злилась. Папа почти не вставал, праздник хотели отменить, а она думала о платье.

Я помню тесную спальню, мужскую рубашку на стуле и Галину Сергеевну, которая всё равно требовала талию.

— Она его надела?

Екатерина достаёт фотографию. Галина Сергеевна стоит рядом с мужем и смеётся, придерживая его за плечо.

— Они один танец станцевали. Через полгода мамы не стало.

Помощница Анны поднимает камеру, но Екатерина сразу закрывает лицо матери ладонью.

— Этого не снимайте.

— Не будем, — Анна опускает телефон. — Нам нужна внутренняя конструкция и дата.

Екатерина достаёт старый аппарат с треснувшим экраном.

— После инсульта мама записывала разговоры. Боялась забыть. Я нашла утром.

Запись шипит. Сначала Галина Сергеевна жалуется, что

планка давит, потом мой голос объясняет, куда её перестегнуть, если талия изменится, и зачем справа оставлена дополнительная деталь.

«Может, мне проще похудеть?» — смеётся она.

«Платье подождёт ваше тело. Телу не надо торопиться ради платья», — отвечаю я.

В тизере Ася произнесла почти то же самое.

Марина тихо ругается. Анна просит включить запись ещё раз, но Екатерина смотрит только на меня.

— Мама потом повторяла эту фразу. Я думала, сама придумала.

Мне хочется сказать что-то правильное, но любая красивая фраза превратит Галину Сергеевну в удобное доказательство.

— Спасибо, что принесли. И простите, что вам пришлось слушать это при чужих.

Екатерина закрывает глаза, потом сама передаёт телефон помощнице.

— Берите кусок про платье. Всё остальное удалите. И маму нигде не называйте.

Девять лет назад — внутренняя планка. Семь лет назад — сменная вставка на другом платье. Пять лет назад — таблица поправок в переписке. То, что Виктор выдаёт за новую систему Аси, разложено по чужим шкафам задолго до её прихода.

После одиннадцати Анна закрывает ноутбук.

— Теперь есть последовательность авторства. Завтра потребуем осмотр тетради и запрет уничтожать оригинал.

Телефон вибрирует. Виктор присылает фотографию красной обложки на домашнем столе: «Забери сегодня. Пока ещё можешь».

Анна читает сообщение через моё плечо.

— Только по акту.

Я уже надеваю пальто.

— Если бы он хотел отдать по акту, не звал бы ночью. Вы останетесь на связи.

Виктор ждёт в кабинете. Красная тетрадь лежит в прозрачном пакете. Он не предлагает сесть и не спрашивает, где я ночую. Пальцы прижимают пакет к столу.

— Отдай.

Он придавливает пакет сильнее, и обложка выгибается под плёнкой.

— Сначала прекращаешь этот цирк с клиентками. Завтра публикуешь заявление: конструкции создавались командой, Ася продолжает работу коллектива, Ирина действовала без твоего поручения.

Он говорит быстро. Значит, знает про мастерскую.

— А Ирину убираешь из иска? — Я не сажусь, хотя он кивает на кресло.

Виктор отодвигает пакет дальше.

— Ирина сама выбрала сторону, — отрезает он. — Не смешивай её решения со своими.

— Она выбрала не подписывать ложь.

Он принимает мой ответ за очередной отказ видеть реальность.

— Ты всегда находишь женщину, которую надо спасать. Клиентки, швеи, теперь Ирина. Потом все платят, потому что Ларисе нужно быть хорошей.

Он знает, куда ударить. Двадцать лет я переделывала бесплатно и слышала дома, что меня опять не было рядом с детьми. Но к тетради не тянусь.

— Чего ты хочешь, Виктор?

Он принимает вопрос за уступку. Плечи опускаются, голос снова становится деловым.

— Тишину на месяц. Сделка закроется, люди получат зарплаты, ты — деньги. Потом начинай что угодно, только не копируй LARISA.

Я вспоминаю заявку, поданную им на фамилию, которой он никогда не носил.

— Ты уже попытался забрать KAREVA, — напоминаю я.

— Потому что знал, что из упрямства ты полезешь в тот же рынок.

После этих слов тетрадь становится ещё одним предметом, которым Виктор удерживает меня у своего стола.

— Оставь её себе.

Он впервые не успевает спрятать удивление.

— Лара, там двадцать лет твоей работы.

Я смотрю на пакет, но отвечаю уже без желания вырвать

его.

— Сегодня женщины принесли мне девять из них. Со своими телами, фотографиями и голосами. Их ты не перепишешь.

Я иду к двери. Пакет шуршит за спиной.

— Если уйдёшь, завтра тетрадь станет доказательством против тебя.

Я останавливаюсь, но не оборачиваюсь.

— Она уже стала. Иначе ты бы не торговался.

После полуночи звонит Марина.

— Откройте страницу LARISA. Только сядьте сначала.

В сети выложены отсканированные страницы красной тетради. Под ними: «Коллективные разработки команды LARISA, которые бывшая основательница пытается присвоить».

На одной странице поверх выцветшей пометки стоит «А. М.». Дальше моя подпись «Л. Карева» стёрта не до конца, а сверху выведено: «Ася Мельникова».

За два часа Виктор успел отдать ей чужое имя внутри моих страниц.

Глава 14. Последняя примерка перед арестом

Я листаю подделанные страницы ещё раз. Виктору достаточно, чтобы первой появилась его версия.

— Пока молчим, — говорит Анна по громкой связи. — Сначала фиксация и экспертиза. Иначе они скажут, что вы испугались коллективного архива.

Марина показывает комментарии с благодарностями Асе и вопросами о предзаказе. Я закрываю страницу.

— Завтрашнюю примерку не отменяем.

Анна умолкает. У нас нет основной ткани, половины участниц и права на ошибку.

— Тогда только закрытая. Без эфира и адреса. Каждую выкройку фиксируйте до передачи в цех.

Я звоню Константину в шесть утра. Он отвечает; голос ещё хриплый.

Я жду, пока он перестанет переспрашивать время, и говорю, что мне нужны остатки тканей и малый цех на день.

— Сколько вещей? — уточняет Константин.

— Шесть. Возможно, пять. Трое ночью отказались.

Через двадцать минут он перезванивает из машины: фабрика соберёт остатки пяти оттенков. Систему проверить хватит.

К девяти отказываются ещё две женщины: одной позвонили из отдела кадров, другой муж запретил «лезть в скандал». Я не уговариваю.

Малый цех отделён стеклянной стеной. На стойке шесть вещей: серый жакет, синее платье, терракотовая рубашка, чёрные брюки, молочный жилет и зелёный костюм. Их соединяет то, чего не видно снаружи: сменные вставки, регулируемые плечи и две линии застёжки.

Тамара Николаевна показывает заломы на зелёном рукаве. Я пытаюсь оставить их до следующего образца, но она не позволяет прикрыть спешку посадкой. Мы распарываем манжету, пока женщины поднимаются в цех.

Марина приезжает с папкой для собеседования. С ней Нина после двух беременностей и Алла с асимметрией после травмы. Ещё одна женщина перечёркивает пункт о съёмке; я заклеиваю объектив телефона Марины. Только тогда она снимает пальто.

Нина уходит в примерочную с молочным жилетом и зовёт меня почти шёпотом. Внутри она стоит в белье, прикрыв живот ладонями.

— Он не сойдётся. Я зря приехала.

Я прошу разрешения подойти и перестёгиваю планку. Нина всё время втягивает живот.

— Выдохните, — прошу я, удерживая расстёгнутую планку.

Она сильнее прижимает ладонь к животу.

— Тогда всё вывалится, — выдыхает она.

— Мне нужно увидеть жилет на вас, а не на человеке, который не дышит.

Нина выпускает воздух и отворачивается от зеркала. Жилет сходится, но тянет под грудью. Я уже беру мел и останавливаюсь: если опять всё исправлю сама, система останется в моей голове.

— Тамара Николаевна, зайдите.

Конструктор приходит с таблицей, сверяется с мерками и выбирает другую вставку без моей подсказки.

— Теперь руки вверх, — просит она.

Нина снова прикрывает живот.

— А он?

Тамара сначала не понимает, о чём она, потом смягчает голос.

— Живот останется с вами. Мы здесь жилет проверяем. Не вас.

Нина смеётся от неловкости и поднимает руки. Ткань не задирается. Перед зеркалом она трогает глубокий карман.

— Вам можно всё, в чём вы можете двигаться. Остальное обязана исправить вещь.

На Алле синее платье уходит назад слева. Тамара выбирает поправку, но Алла просит оставить часть привычной асимметрии.

— Я так двадцать лет хожу. Сделаете меня ровной — в

зеркале будет чужая женщина.

Мы возвращаем половину коррекции, и Алла наконец расправляется. KAREVA начинает отличаться от LARISA в тот момент, когда я перестаю считать свой взгляд последней инстанцией.

Марина выходит последней. Серый жакет отличается от брюк оттенком, зато правая пройма позволяет поднять папку до плеча. Она проходит между зеркалами и больше не бережёт руку.

— На собеседование пойду так. Пусть смотрят на папку, а не на то, как я её держу.

Женщины проверяют карманы и посадку. Тамара сама записывает правки. Впервые новая марка существует не только в моей голове.

Я достаю коробку с бирками. На картоне: KAREVA. Первую пришиваю к жакету Марины; игла цепляет сухую кожу, на нитке выступает точка крови.

— Давайте я, — предлагает Тамара.

— Эту закончу сама. Остальные отдайте девочкам.

Константин входит, когда без бирки остаётся одна вещь. На рубашке меловая полоса, в телефоне открыта банковская переписка. Он убирает экран, но я успеваю увидеть красную отметку возле кредитной линии.

— Банк отказал? — Я киваю на телефон, который он не успел погасить.

— Перенёс решение. Сегодня не об этом.

Он смотрит на женщин перед зеркалами, потом на бирки.

— Получилось.

Я напоминаю про разную ткань и переделки. Константин повторяет тише:

— Всё равно получилось.

После примерки женщины уходят пить чай. Я собираю булавки, Константин снимает с манекена зелёный жакет. Наши руки встречаются на вешалке, и он не отпускает её сразу.

— Лариса…

Он впервые произносит имя без отчества. Константин снимает нитку с моего плеча, пальцы на секунду касаются шеи. Я не отступаю сразу, и он это замечает.

Мне хочется остаться в месте, где никто ничего у меня не отнимает. Именно поэтому я делаю шаг назад.

— Не надо.

Константин выпускает вешалку. Обиду скрыть не успевает.

— Я неправильно понял?

— Нет. Наверное. — Я промахиваюсь булавками мимо коробки и собираю их снова. — Вы появились, когда все начали меня выталкивать. Дали фабрику, договор, людей. Я сейчас не понимаю, хочу к вам или просто хочу туда, где не больно.

Он опирается ладонью о край стола и смотрит в цех.

— Понятно.

Я жду, что он закроется или напомнит, сколько сделал.

— Вам неприятно.

— Неприятно, — признаёт Константин. — Но убеждать вас, что вы всё чувствуете правильно, я не буду. Закончим показ.

У двери он оборачивается.

— И договор из-за этого не изменится.

Марина зовёт нас: женщины готовы пройти перед камерой. Снимаем только одежду. Нина сначала втягивает живот, ловит себя на этом и выдыхает. Алла поворачивается медленно, чтобы платье легло по её привычной линии плеч. Марина идёт последней с папкой в правой руке.

Дверь открывается на середине прохода.

В цех входят двое мужчин и женщина с портфелем. За ними — Руденко из службы безопасности LARISA. Константин закрывает собой камеру.

— На каком основании вы здесь?

Женщина показывает удостоверение и исполнительный лист.

— Судебный пристав. Проводим изъятие спорных образцов, лекал и электронных носителей, созданных с предполагаемым использованием документации истца.

Марина смотрит на жакет и только потом понимает.

— Это мой заказ. Я за него заплатила.

Пока Анна подключается по видеосвязи, Руденко указывает сотрудникам на стойки и шкаф. Новый цех он знает слишком хорошо.

— Не трогайте ничего без описи, — я перехватываю его у стола. — И вы не будете решать, что принадлежит фабрике.

— Решает пристав, Лариса Андреевна. Отойдите.

Сотрудник снимает жакет Марины. Она хватает рукав.

— Так нельзя складывать. Правое плечо помнёте.

Мужчина тянет вещь, Марина не отпускает. Камера пристава снимает её лицо, хотя она запрещала съёмку. Я становлюсь между объективом и Мариной.

— Уберите камеру. Она клиентка, не участница дела.

Константин добивается, чтобы снимали только опись. Анна из телефона объясняет Марине: вещь всё равно заберут, сопротивление втянет её в разбирательство. Марина слушает и держит рукав обеими руками.

Мне приходится попросить самой:

— Марин, отдайте. Я верну деньги и сошью другой.

Она не смотрит на пристава. Только на меня.

— Я денег не хочу. Мне этот нужен.

За несколько дней до собеседования я снова оставляю её без вещи, которую обещала.

— Я знаю. Но если вы не отпустите, они напишут, что вещь пытались скрыть. Пожалуйста.

Она разжимает пальцы не сразу. Я забираю жакет у сотрудника, складываю рукав правильно и застёгиваю внутреннюю планку. Бирка KAREVA остаётся сверху, пока пакет не закрывают пломбой.

После первого пакета всё идёт быстрее. Забирают платье

Аллы, жилет Нины, брюки и рубашки. Женщины переодеваются у стены. Тамара спорит за ноутбук с чужими расчётами, но его тоже включают в опись.

Когда сотрудник берёт красный блокнот, я удерживаю обложку.

— Он начат после моего увольнения. Здесь мерки новых клиенток и разработки KAREVA.

— Возражение внесём в акт, — пристав говорит мягче, но руку не убирает. — Передайте блокнот.

За стеклом остановились машины. Если начну вырывать блокнот, Виктор получит нужное видео.

Я отпускаю.

Через два часа остаются пустые стойки и полоски ткани. Марина повторяет, что предоплату не заберёт, но на меня не смотрит.

Последним выносят ноутбук с новыми технологическими картами. Утром у KAREVA было шесть вещей, рабочая система и первая настоящая примерка. К вечеру не осталось ни коллекции, ни компьютеров, ни лекал.

Возле зеркала лежит одна белая бирка. Её не заметили.

Я поднимаю бирку KAREVA и зажимаю ее в ладони.

Глава 15. Дочь свидетельствует против меня

Приставы выносят последний ящик. Я разглаживаю серый от мела картон о пустой стол и вижу сообщение Анны: заседание назначено на девять утра. Виктор требует сохранить изъятие и запретить KAREVA использовать систему посадки до окончания спора.

Марина задерживается у двери. Папку она прижимает к правому боку, будто жакет всё ещё на ней и нужно беречь пройму.

— Скажите честно, его вообще вернут? — спрашивает она. — Собеседование в понедельник. Я в старом пиджаке руку до стола не подниму.

Мне хочется попросить ещё день, но за её спиной блестят пломбы. Вчера я уже взяла у неё время и деньги.

— Купите запасной вариант. Чек сохраните. Если вещь не вернут, я отдам предоплату.

Марина застёгивает пальто одной рукой и хмурится.

— Я заказ не отменяла. Деньги вернёте, когда я сама попрошу.

После её ухода Константин приносит акт изъятия. Ноутбук фабрики тоже увезли, зато журналы операций остались на сервере. Я прикалываю бирку к внутреннему карману

пальто.

— Полина в списке свидетелей, — произносит он, не поднимая головы. — Позвоните ей сейчас, если нужно. Завтра Виктор посадит её напротив вас уже с готовыми ответами.

Дочь сбрасывает два вызова. После третьего присылает: «Мам, пожалуйста, не дави на меня. Завтра я скажу то, что знаю».

Вечером мы готовимся с Анной в кабинете фабрики. От термопрессов тянет горячим металлом, кофе на подоконнике остывает нетронутым. Когда я в третий раз перебиваю предполагаемый ответ Полины, она закрывает папку.

— Виктор привёл дочь, чтобы вы спорили с ней как мать, а выглядели женщиной, которая не контролирует себя. Попросите воды, дайте мне закончить вопросы и не дарите ему нужный срыв.

У зала суда дочь стоит рядом с Виктором в тёмно-синем костюме LARISA. Прошлой осенью Полина жаловалась, что жёсткое плечо делает её похожей на отца. Сегодня пиджак застёгнут на обе пуговицы, папку она держит точно так же, как он.

— Ты знала про изъятие? — спрашиваю я, пока секретарь сверяет документы.

Виктор разворачивается к нам, но Полина касается его рукава. Он замолкает. Раньше так делала я, когда просила не давить на детей.

— Я знала, что юристы просят обеспечительные меры, —

отвечает дочь, глядя в папку. — Что они приедут на примерку, нет.

Она ждёт, что этого разделения хватит. Я вижу, как Виктор уже готов увести разговор от конкретных вещей, и называю их раньше него.

— Забрали клиентские вещи, компьютеры фабрики, все лекала. Маринин жакет тоже.

Полина поднимает глаза. Сочувствие появляется и сразу сменяется раздражением: она слышит попытку заставить её выбрать до заседания.

— Мам, я не выписывала постановление. И я сейчас не могу опять начинать это в коридоре.

Полина крепче прижимает папку, словно разговор можно удержать внутри. Я понижаю голос, но отступать уже не получается.

— А где можешь? Дома ты молчала восемь месяцев. На юбилее смонтировала мой уход. Теперь скажешь суду, что я не в себе.

Она отступает на полшага, но не прячется за Виктора.

— Я такого не скажу. Не придумывай заранее, чтобы потом было легче ненавидеть меня.

Секретарь называет наши фамилии. Полина входит первой.

В зале пахнет мокрыми пальто и бумагой. Анна требует вернуть клиентские заказы и оборудование фабрики, юрист Виктора называет каждую вещь частью спорной системы.

Маринин жакет превращается в «объект исследования»; я кладу ручку на стол, пока не сломала её.

Потом вызывают Полину. Она снимает пиджак, вешает на спинку стула и называет полное имя. Голос ровный, с выверенными паузами — так она записывала рекламу.

Юрист начинает с красной тетради. Дочь подтверждает, что та хранилась дома, но использовалась для работы LARISA. Я приносила её на совещания, Ирина Павловна видела страницы, конструкторы делали по ним образцы.

Анна встаёт только после того, как Полина допивает воду.

— Кто покупал тетрадь и вёл записи?

Дочь не ждала такого простого вопроса.

— Мама. Но… это ничего не доказывает. Вещи создавались не в пустоте.

Анна не спорит с последней фразой. Она переворачивает лист и возвращает дочь к тому, что можно проверить.

— Были ли внутри подписи других авторов, протоколы команды, отметки компании?

Полина ищет взглядом Виктора. Он сидит неподвижно, зато Ася опускает глаза. Я не вмешиваюсь. Пусть эта пауза останется в протоколе.

— Я не изучала каждую страницу, — отвечает Полина осторожнее. — Но мама давно не работала одна. Были конструкторы, технологи, фабрика. Я тоже работала, хотя меня вспоминали только, когда нужен ролик.

Последняя фраза вырывается без подготовки. Моё имя

стояло на каждом проекте, её — мелко в титрах.

Юрист показывает фотографии капсулы KAREVA. Полина узнаёт внутренние планки и вставки, говорит, что похожие решения уже использовала LARISA.

— Могла ваша мать разработать новую систему сама? — спрашивает он.

Полина прижимает язык к щеке. Так она делала в детстве, когда выбирала ответ, за который потом не будут ругать.

— Она очень сильный дизайнер, — произносит дочь после паузы. — Могла доработать. Но основа появилась в компании. Называть всё только её работой неправильно.

Потом юрист открывает медицинское заключение. Спрашивает про бессонные ночи, внезапные переделки и ошибки в расчётах. Полина перестаёт пить воду.

— Перед показами мама могла не спать по двое суток. Звонила людям ночью, утром меняла задачу. Последний год стало хуже. Она забывала, что уже что-то утвердила, и обвиняла нас, что мы сделали без неё.

Полина произносит последнее слово и впервые смотрит на меня, будто ждёт знакомого возражения. Я даю его раньше, чем успеваю вспомнить предупреждение Анны.

— Потому что вы действительно делали без меня, — вырывается у меня.

Судья делает замечание. Анна подвигает мой стакан; тёплая вода пахнет пластиком, но несколько глотков дают ей продолжить.

— Семья обращалась к врачу? — спрашивает Анна. — Ограничивала операции по счетам? Считала Ларису Андреевну неспособной подписывать документы?

Полина на всё отвечает «нет», и каждое следующее слово звучит тише. Анна не помогает ей выбрать безопасную формулировку. — Чего именно вы опасались? — спрашивает она, когда дочь начинает привычную фразу про здоровье и сбивается.

— Что она не остановится. Что все опять будут жить по её графику. Папа сказал: если объявить переход спокойно, мама потом примет. А я… — Полина проводит пальцем по мокрому следу от стакана. — Я хотела хоть раз сделать что-то важное без того, чтобы она потом переделала.

Вот зачем ей понадобился ролик. Виктор дал дочери момент, в котором она сама решала, какой меня увидит город. Я вмешиваюсь прежде, чем Анна успевает остановить. — Поля, ты могла сказать мне это. Хоть раз. Не через камеру.

Дочь впервые смотрит прямо. — Я говорила. Ты объясняла, почему я не понимаю производство. Или обещала обсудить после коллекции. У тебя всегда было «после».

Я знаю, сколько в её словах правды, и вижу, как Виктор пришил её к своей краже.

Полина подписывает показания на каждой странице. На последней ручка перестаёт писать. Дочь берёт другую у секретаря и заканчивает подпись, не поднимая головы.

После перерыва суд запрещает KAREVA продавать и пе-

редавать первую капсулу, использовать спорную систему посадки и публиковать технические материалы. Счета блокируют в пределах двадцати пяти миллионов. Изъятые вещи, включая клиентские, оставляют на хранении.

Анна просит разрешить хотя бы возвраты, но судья предлагает отдельное ходатайство.

В коридоре телефон сразу показывает первое требование вернуть предоплату. Следом приходит второе. В банковском приложении возле счёта KAREVA уже стоит красная отметка: операции ограничены.

Полина выходит последней. Пиджак она несёт на руке, словно больше не может надеть. Я подхожу, но дочь отступает и заговаривает быстро, пока ещё может удержать лицо.

— Я не врала, мам. Сказала то, что видела.

Я не повышаю голос; от этого Полина напрягается сильнее. — Ты сказала именно то, что было нужно отцу.

Дочь стискивает папку. Двери лифта открываются, но она не входит сразу. — Конечно. У тебя опять все чьи-то. Папины, Асины. Только не свои. Я читала каждую страницу, которую подписала. Ты хоть раз делала это, прежде чем отдать ему компанию?

Лифт закрывается между нами прежде, чем я нахожу ответ. Анна уводит меня к окну в конце коридора и открывает приложение к иску.

— На счетах KAREVA денег нет. Если они докажут ущерб, взыскание пойдёт на ваше имущество. В первую оче-

редь — на долю в квартире.

На следующей странице лежит оценка дома: спальня с моим халатом, детские комнаты, кабинет, где лежала красная тетрадь. Виктор готовил документы ещё тогда, когда по утрам застёгивал на мне серьги.

— А продажа? Покупатели буд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.